

К XIII Апрельской
международной
научной конференции
по проблемам развития
экономики и общества

3–5 апреля 2012 г.
Москва

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРИ УЧАСТИИ ВСЕМИРНОГО БАНКА
И МЕЖДУНАРОДНОГО ВАЛЮТНОГО ФОНДА

Е.Г. Ясин

СЦЕНАРИИ ДЛЯ РОССИИ НА ДОЛГОСРОЧНУЮ ПЕРСПЕКТИВУ. НОВЫЙ ИМПУЛЬС ЧЕРЕЗ ДВА ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Доклад

Издательский дом
Высшей школы экономики
Москва, 2012

УДК 321.7(470+571)
ББК 66.3(2Рос)1
Я81

Доклад подготовлен к XIII Апрельской международной научной конференции ВШЭ по проблемам развития экономики и общества (Москва, 3–5 апреля 2012 г.)

Ясин, Е. Г.
Я81   Сценарии для России на долгосрочную перспективу. Новый импульс через два десятилетия [Текст] : докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Е. Г. Ясин ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 82, [2] с. — 1700 экз. — ISBN 978-5-7598-0969-2 (в обл.)

УДК 321.7(470+571)
ББК 66.3(2Рос)1

ISBN 978-5-7598-0969-2

© Ясин Е.Г., 2012
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2012

Оглавление

От автора..... 5

Часть I. Не ожидая крупных перемен

1. Модернизация	7
Основные развилки развития России	7
Модернизация технологическая и институциональная	8
Три варианта политики	9
Оценка успехов — критерий модернизации	10
2. Стартовая площадка.....	10
Итоги 20 лет.....	11
Деловая активность.....	12
Неравенство	15
3. Слово о методе: игровые модели Э. Маскина	16
4. Игра I. Модернизация сверху.....	18
Треугольник недоверия.....	19
Первый раунд	20
Условия успеха модернизации сверху	21
Второй раунд	22
5. Игра II. Решительный рывок	22
Минимальный пакет либеральной демократии	23
Первый раунд	25
Конформизм	27
Еще одно предупреждение	29
Второй раунд	30
6. Игра III. Постепенное развитие	31
Четыре примера	32
Первый раунд	35
Второй раунд	39
7. Выводы из игр в модернизацию	41
<i>СЦЕНАРИИ НА БУДУЩЕЕ</i>	43
Сценарий I.....	43
Сценарий II	44
Сценарий III.....	47

Часть II. Долгожданная неожиданность

8. Выборы 4 декабря и 4 марта	49
Неопределенность.....	53
Противостояние	55
Два сценария для экономики	56
9. Переговоры, компромиссы и уступки. Постепенное развитие?	58
Доводы «за»	59
Примеры из истории.....	60
План демократизации.....	63
10. Как выращиваются институты	66
Независимость суда и ЕГЭ	67
Экономика, бизнес и «главное орудие власти»	69
Естественное государство, порядок открытого доступа и демократия	71
11. Что же меняется?	74
Заключение	79
Литература.....	81

От автора

Настоящая брошюра написана на основе двух последних глав книги, которая вышла в январе 2012 года. Это второе издание работы «Приживется ли демократия в России». Поводами для подготовки отдельной брошюры послужили два обстоятельства.

Первое: ощущение, что самостоятельное, отдельное обсуждение поставленных в этих двух главах вопросов, альтернатив и перспектив развития России после рыночных реформ 1990-х, трансформационного кризиса и восстановительного роста «нулевых» годов с определенным понятным движением в рамках политической стабилизации — даже без всего корпуса излагаемых во втором издании теоретических и эмпирических обоснований — может быть полезным.

Второе: после того как я был включен в коллектив специалистов, работающих по поручению правительства над «Стратегией — 2020» в рамках экспертной площадки НИУ ВШЭ и АНХГС, я посчитал крайне важным публично изложить свою собственную позицию, чтобы потом никто не мог сказать, что, попав в этот коллектив, я изменил ее в угоду официальной линии. Чтобы было предельно ясно, я полагаю абсолютно необходимыми для реальной модернизации весьма радикальные институциональные преобразования, включая полноценную политическую демократизацию, в какие бы сроки они ни осуществлялись. И в то же время в сложившихся условиях предпочел бы постепенное развитие, без чрезвычайщины.

Когда я писал первую часть этой брошюры, то не ожидал каких-то заметных событий, способных что-то крупно и неожиданно поменять в России. Хотя, перечитав потом брошюру, понял, что она пронизана ожиданием перемен и тоской по поводу их малой вероятности.

А потом наступило 4 декабря 2011 года. Замечу: ровно 20 лет после начала рыночных реформ. Казалось бы, рядовые думские выборы. А на самом деле — крутой поворот: как писала одна американская газета, русские вновь проявили вкус к демократии. И пришлось снова домысливать развитие событий с учетом этого поворота. Суть, как я понимаю, можно выразить просто. Посткоммунистическая Россия нуждалась в двух крупных институциональных сдвигах: в экономике — от плана к рынку, в политике — от

тоталитаризма к демократии. Первая часть работы выполнена под руководством Е. Гайдара, но были задержки с демократией. Уже казалось, что демократия не наш удел и выстроить рыночную демократию, обладающую высшим потенциалом развития, нашей стране не светит. А вот и нет! Как раз выборы декабря 2011 года показали: возможности есть. Какие, как их использовать — это вопросы, заслуживающие обсуждения.

Часть I

Не ожидая крупных перемен

1. Модернизация

Основные развилки развития России

За последние 20 лет Россия прошла немало судьбоносных развилок, которых хватило бы и на 200 лет доброму десятку стран. Только со времен перестройки пройдено три развилки исключительной важности.

Напомню их:

- 1) *демократизация или империя*: выбор сделан М.С. Горбачевым, в итоге распался СССР. Горбачев не хотел распада империи, но демократизация плюс нарастание экономического кризиса предопределили такой исход;
- 2) *централизованное планирование или рыночная экономика*: выбор сделан Б.Н. Ельциным, и в итоге либеральных реформ мы имеем рыночную экономику. Не такую эффективную, как хотелось бы, но работающую. Однако рыночным реформам в начале 1990-х пришлось в какой-то мере принести в жертву демократизацию;
- 3) *бюрократия или олигархия*: выбор сделан В.В. Путиным. Конфликт проявился еще в 1997 году и медленно развивался до 2003 года. В результате победила бюрократия, государство поставило под свой контроль бизнес и практически все ранее независимые общественные силы. Сложившаяся при прохождении первых двух развилочек управляемая, а значит, дефектная демократия ныне стоит на грани перехода в авторитарный режим;
- 4) *инерция или модернизация*: развитие по инерции предполагает также модернизационную риторику или какие-то меры, которые можно назвать модернизацией «сверху» (авторитарной);
- 5) *авторитаризм или демократия*: останется ли Россия в пределах своей традиционной колеи самовластья или же она, осуществив культурный сдвиг, перейдет в разряд полностью демократических стран.

По пунктам 4 и 5 окончательный выбор еще не сделан.

Итак, у нас впереди две развилки — модернизация и демократия. Начнем с первой.

Следует договориться о том, что мы будем понимать под модернизацией и в чем заключается выбор. Буквально модернизация означает обновление. Но оно происходит непрерывно. Поэтому я предлагаю считать модернизацией работу по преодолению накопленного отставания с усвоением лучших образцов и период, в течение которого такая работа проводится.

Модернизация технологическая и институциональная

Когда в 1999 году начинал работу Центр стратегических разработок (ЦСР) во главе с Г.О. Грефом — мозговой центр нового президента В.В. Путина, на него была возложена задача по выработке программы, призванной продолжить стратегический курс Б.Н. Ельцина на преобразование России в постсоветскую эпоху. По замыслу реформаторов, вслед за осуществлением основных рыночных реформ и макроэкономической стабилизацией, т.е. прекращением инфляции и спада, должен был начаться этап модернизации. Этот термин авторы «программы Грефа» договорились применять вместо слова «реформа», которое к тому времени стало вызывать в обществе негативные эмоции. Подразумевалось, что взамен радикальных перемен начала 1990-х должна проводиться последовательная систематическая работа по проектированию и выращиванию прежде всего целостной системы институтов, необходимых для эффективной рыночной экономики и демократического общества. Таким образом, изначально имелась в виду *институциональная модернизация*, более спокойная, реализуемая эволюционным путем, но затрагивающая практически все стороны жизни общества, включая политическую систему.

От нее отличается *технологическая модернизация*, предполагающая обновление технологий, продукции, оборудования, методов организации и управления, а также структурную перестройку экономики в отраслевом, региональном и иных разрезах. Она непосредственно приводит к росту производительности на основе интенсификации потока инноваций. Имеются в виду инновации «для себя» (внедряемые) и «для рынка» (продаваемые). Инновационная экономика, вводящая страну в группу лидеров мирового развития, характеризуется высокой долей инноваций «для рынка» (10–15% ВВП).

Уровень производительности, отражающий высшие технологические достижения, ныне принято называть *технологической границей*. Ее продвигает группа стран-лидеров. В других — преобладают инновации «для себя», которые в случаях успеха ведут к тому, что за счет заимствований и собственных инноваций страна приближается к технологической границе.

Опыт показывает, что технологическая модернизация и институциональная модернизация взаимосвязаны. Обычно если институциональная система хорошо отлажена с точки зрения поддержки рыночных отношений, прав собственности, конкуренции, защиты контрактов, то технологическая модернизация развивается беспрепятственно, все лучшее быстро внедряется, формируется интенсивный поток собственных инноваций. Наблюдается подъем экономики. Если выясняется, что развитие технологий наталкивается на препятствия со стороны устаревших институтов, то экономика подает сигнал — и институты изменяются.

Так было в Великобритании в период промышленного переворота, в Германии и Японии после Второй мировой войны, когда была проведена либерализация их экономик. Та же картина в Китае после 1978 года, в Индии — после 1991 года. Марксисты говорили о соответствии производительных сил (технология) и производственных отношений (институты).

Но если такого соответствия нет, более совершенные технологии существуют, но плохо внедряются, значит, институты устарели, препятствуют развитию, тогда и технологическая модернизация не идет. Или формируются ограничения, в силу которых она приобретает искаженный, деформированный характер. Так, советская система оказалась несовместимой с эффективным использованием ресурсов, высоким качеством продукции, инновациями. Осуществлять технологическую модернизацию, без конца откладывая необходимые институциональные изменения, невозможно.

Три варианта политики

В чем, однако, заключается выбор на четвертой развилке? Логично его разделить на три составляющих.

Во-первых, надо выбрать, будет ли проводиться модернизация как целенаправленная политика или развитие пойдет спонтанно, *по инерции*.

Во-вторых, *модернизация сверху* предполагает, что с целью минимизации рисков, прежде всего политических, правящая элита

ограничивает круг проводимых мер теми, которые может держать под контролем. Обычно ограничиваются прежде всего институциональные изменения. Внимание концентрируется на технологической модернизации, проводимой по инициативе государства и в значительной части за государственный счет. При этом снижение рисков оплачивается и уменьшением результатов. Не исключено, что модернизация сверху будет мало чем отличаться от развития по инерции. *Модернизация снизу* (демократическая) более рискованна. Она предполагает активизацию бизнеса, вовлечение более широких слоев населения в предпринимательскую деятельность, самоограничение власти правящей элиты, чтобы повысить инициативность и энергию развития, сделать их более важным фактором экономического роста. Демократизация — необходимая составляющая этой политики.

В-третьих, если выбирается модернизация снизу, то нужно еще выбрать темп преобразований — быстрый или медленный. Этот выбор призван оптимизировать соотношение рисков и результатов. Чтобы ограничить поле анализа, условимся, что на выбор имеются два варианта: *решительный рывок* или *постепенное развитие*.

Таким образом, в дальнейшем для анализа предлагаются три варианта политики: модернизация сверху, решительный рывок, постепенное развитие.

Оценка успехов — критерий модернизации

Чтобы делать какие-то выводы относительно успехов модернизации, мы договоримся, что уровень и темпы модернизации будем оценивать по росту производительности, в динамике и в сравнении с другими странами. Иначе говоря, *если в данной стране наблюдается рост экономики и освоение новых технологий, но темпы роста производительности за тот же период ниже, чем в других странах, то модернизации не происходит*. Успех модернизации можно признать только при сокращении отставания.

2. Стартовая площадка

Мы можем констатировать, что за последние 20 лет демократизация в России привела к распаду империи и способствовала проведению весьма болезненных рыночных реформ. Рыночная экономика — несомненный позитивный результат прошедшего периода,

но ее эффективность низка, прежде всего из-за незавершенности институциональных преобразований. Трансформационный кризис (1990–1999 годы) затруднял их осуществление. Победа бюрократии над олигархией (выбор на третьей развилке) остановила их или существенно замедлила. Политические риски для правящей элиты чаще всего оказывались более значимыми, чем изменения институтов — в этом случае позитивные результаты наступали не скоро и казались сомнительными. Это побуждало к свертыванию демократических институтов и усилению давления на бизнес.

Итоги 20 лет

Для оценки итогов нулевых годов в России мы используем результаты расчетов В.А. Бессонова на основе данных The Conference Board Database при сравнении двух вариантов оценок производительности труда в России и США — по индексам GK (Гири — Камиса) и EKS (Элтетэ, Кэвеша и Шульца). Последний индекс обычно более благоприятен для России, но при сравнении скорости изменения индексов их величины не имеют значения. В таблице 1 приведены данные по производительности труда, подсчитанные по этим индексам.

Таблица 1. Уровень производительности труда в России и США в 1989, 1998 и 2008 годах

Год	Индекс GK			Индекс EKS		
	США	Россия	Россия к США, %	США	Россия	Россия к США, %
	тыс. долл. США 1990 г. на одного работника			тыс. долл. США 1990 г. на одного работника		
1989	47 632	15 787	33,14	71 723	32 345	45,10
1998	55 363	10 359	18,71	83 348	21 225	25,47
2008	65 524	18 750	28,62	99 686	36 995	37,11

Источник: The Conference Board Total Economy Database. January 2010.

Таблица 2. Динамика уровня производительности труда в России (% к уровню в США), 2008 год в сравнении с 1998 и 1989 годами

Индекс	2008 / 1998	2008 / 1989
GK	1,53	0,86
EKS	1,46	0,82

В таблице 2 приведены подсчитанные по данным таблицы 1 величины изменения производительности труда в России в сравнении с США по обоим индексам, показывающие значительный ее рост в 2008 году по сравнению с 1998 годом и заметное снижение по сравнению с 1989 годом.

1998 год — дно трансформационного кризиса, 1989-й — номинально последний докризисный год. Рост по сравнению с 1998 годом нельзя считать большим достижением — это компенсация падения производительности в период кризиса. Но и сравнение с 1989 годом не позволяет однозначно утверждать, что в целом за 20 лет увеличилось отставание, поскольку напрашивается мысль, что для полной компенсации просто не хватило времени после глубокого кризиса 1989—1998 годов.

Но в 2008 году наступил новый кризис, обозначив завершение определенного цикла, на котором компенсация остановилась. Отсюда следует, что модернизация по принятому выше критерию в 1998—2008 годах не происходила или происходила очень медленно.

Деловая активность

Точнее, модернизация в буквальном смысле слова шла все 20 лет. Структура экономики стала рыночной. В первые 10 лет преобладала пассивная, разрушительная фаза перестройки, в следующие 10 лет появились ресурсы инвестиций и начался процесс обновления основного капитала, с разной интенсивностью в разных секторах. Но наряду с этим продолжался и процесс деградации, во многих случаях не перекрываемый темпом модернизации. Производство порой поддерживалось государством (импортные пошлины, субсидии), но полноценной конкурентоспособности чаще всего не достигало. Последний кризис обострил в ряде отраслей проблемы, прежде скрываемые спросом, порождавшимся нефтедолларами и дешевыми кредитами. Таким образом, можно говорить о задержках модернизации в нулевые годы, что делало ее практически неотличимой от развития по инерции.

Противоположно направленные процессы модернизации и деградации меняют свою интенсивность, а с ними меняется равнодействующая экономической динамики. Как соотносятся эти процессы, мы в полной мере наблюдать не можем, видна в основном равнодействующая. Следовательно, и объяснения могут быть разными. Одно из них, популярное и поддерживаемое

властями, состоит в том, что трансформационный кризис был чрезмерно глубоким, в основном вследствие неверной политики Е. Гайдара, шоковой терапии, развалившей советскую экономику. Поэтому и восстановительный рост потребовал много времени, его не хватило.

Мое объяснение иное. Глубина трансформационного кризиса действительно была велика, но не столько вследствие шоковой терапии, сколько прежде всего вследствие больших диспропорций в советской экономике, незрелости ее проблем. На военную продукцию резко снизился спрос, а гражданская продемонстрировала в открытой экономике низкую конкурентоспособность: ее легко вытеснял импорт. Проблему повышения конкурентоспособности мог решить российский бизнес, но на это нужны были время и поддержка государства, направленная на эффективную трансформацию рыночных институтов. Однако бюрократия взяла курс на подавление бизнеса как независимой общественной силы. В итоге снизилась естественная деловая активность, бизнес в целях уменьшения своих политических рисков сократил масштабы и горизонт инвестиций.

Я поясню термин «естественная деловая активность», он пригодится нам далее. Имеется в виду тот уровень деловой активности, который достигается при нормальных рыночных условиях — наличии устойчивого спроса на продукцию и положительных реальных (за вычетом инфляции) ставок процента по депозитам и кредитам. При этом инфляция не должна превышать 2–3%. Деловая активность может быть ниже естественной, если высока инфляция и ставки по кредитам становятся недоступны для большей части предприятий. Она может быть и выше естественной, если ставки по кредитам низки, т.е. деньги слишком дешевы и доступны.

В России с 2003 года давление на бизнес со стороны государства усилилось, возросли политические риски, в силу этого объективно снизилась естественная деловая активность. В то же время быстро росли цены на нефть, насыщая экономику ликвидностью, и на мировых рынках финансовые ресурсы были дешевы вследствие политики ФРС США, ориентированной на неумеренное, сверх реальных возможностей стимулирование экономического роста. Ставки по депозитам у нас все эти годы были отрицательны в реальном выражении, хотя население при низком уровне сбережений соглашалось на них, так как росли номинальные доходы. Однако накопление держалось на уровне 18–20% — слишком мало для модернизации. В итоге у нас, как и во многих странах, поддер-

живалась *искусственная* деловая активность, приводившая к перегреву экономики. Дело должно было закончиться кризисом, и он наступил в 2008 году. Россия довольно благополучно, в основном благодаря созданным финансовым резервам, прошла острую фазу кризиса. Но факторы, которые поддерживали высокие темпы роста до него, оказались исчерпаны. Уровень искусственно поддерживаемой деловой активности снизился до естественного при данных условиях предела. В 2003—2008 годах темпы роста ВВП держались на уровне 7,2—7,3% в год. На 2,2% ежегодно этот рост обеспечивался увеличением численности работников, на 5—5,1% — ростом производительности. В дальнейшем число работников будет убывать примерно на 1% в год. Предположим, темп роста производительности сохранится. Тогда максимально достижимые темпы составят в среднем 4%.

Но чтобы поддерживать такой рост производительности, нужны либо деньги — рост доходов от нефтяного экспорта и дешевые кредиты, которые подогревали деловую активность в «тучные годы», либо что-то иное, чего пока в экономике нет. При отсутствии нового мотора уровень роста ВВП, скорее всего, опустится до 1—3% в год.

В подтверждение своих слов позволю себе сослаться на одного из самых авторитетных правительственных экономистов — А.Р. Белоусова. Он обращает внимание на то, что из 6—7% роста в нулевые годы мы теряем примерно 5%, в том числе 2% — за счет снижения экспорта и 3% — за счет сокращения темпов роста потребления: вместо 13—14% роста ежегодно теперь следует ожидать не более 5—6%. Кроме того, Белоусов отмечает ожидаемое падение инвестиций и давление конкурирующего импорта. В итоге его прогноз роста ВВП — 2—3% в год, что почти совпадает с нашими оценками. Это как раз соответствует уровню естественной деловой активности в нынешних условиях (см.: [Белоусов, 2011, с. 89]).

Другое дело — видение путей улучшения ситуации. Мое мнение: поддержать высокие темпы можно, только повысив уровень деловой активности за счет институциональных изменений, убедительных для бизнеса. На это потребуется немало времени. Кроме того, необходимые институциональные изменения порождают ощутимые политические риски и, стало быть, не очень приемлемы для правящей элиты. Речь идет об обеспечении реального верховенства права, о значимом снижении коррупции на основе демократического общественного контроля, о самоограничении власти. Короче, о демократизации.

Неравенство

Другая важная особенность российской экономики в этот период — расстановка социальных и политических сил. Власть реально принадлежит бюрократии. Она установила режим, близкий к авторитарному. Бизнес, представляющий рыночную экономику, зависит от нее политически и по линии коррупционного давления. Вместе эти силы присваивают большую часть доходов. Остальные слои населения довольствуются меньшей частью, причем разрыв между ними по материальной обеспеченности возрастает все последние годы.

Коэффициент фондов (децильный), по официальным данным, вырос с 4,9 в 1990 году до 13,5 в 2000 году и до 16,7 в 2009 году (см.: [Российский статистический ежегодник, 2010, с. 190]). Распределение денежных доходов приведено в таблице 3.

Таблица 3. Распределение денежных доходов населения между 20%-ными группами в 1990, 2000, 2009 годах, % к итогу

Группа	1990	2000	2009
Группа I (с наименьшими доходами)	9,8	5,9	5,1
Группа II	14,9	10,4	9,8
Группа III	18,8	15,1	14,8
Группа IV	23,8	21,9	22,5
Группа V	32,7	46,7	47,8
Доля в доходах трех наименее состоятельных групп	43,5	31,4	29,7

Согласно расчетам Независимого института социальной политики (НИСП), «высшая» группа получила в 2009 году реальных денежных доходов вдвое больше, чем в 1991-м. Группа IV также выиграла от реформ, но только 25%. Группа III сохранила уровень 1991 года, группа II — 79% от этого уровня, а группа I — 55% (см.: [Уровень и образ жизни населения России, 2011, с. 69]). Таким образом, 60% населения либо ничего не выиграло от реформ, либо потеряли. Верхние же 20% увеличили свою долю почти до половины. Уровень неравенства резко вырос. Образовалось как бы два основных слоя населения: бедные, получающие меньше

трети доходов на 60% населения, и богатые — около половины на 20%¹.

Конечно, в рыночной экономике дифференциация населения по доходам больше, чем в плановой. Это формирует более сильные стимулы к труду и деловой активности. В США уровень неравенства довольно высокий, коэффициент Джини более 0,35 — больше, чем в других странах Европы и ОЭСР. Кроме Мексики, где степень неравенства, как и в Бразилии, одна из самых высоких в мире. Но для этих стран характерна этнокультурная неоднородность населения (белые и цветные). У нас же при культурно однородном населении уровень неравенства только чуть ниже, чем в Мексике. Можно сделать вывод, что у нас неравенство чрезмерно. Это порождает атмосферу недоверия, препятствующую модернизации, кооперативному поведению, а значит, сплочению общества для решения общих задач.

Сложившееся положение отчасти объясняет приступы популизма у российского правительства. Но нужны не приступы, а стратегия преодоления социальных диспропорций, воплощаемая в политике доходов и реформ — жилищной, пенсионной, образования и здравоохранения, которые далеки до завершения.

Такова стартовая площадка.

3. Слово о методе: игровые модели Э. Маскина

Политико-экономическое прогнозирование — дело крайне неблагодарное. Если вы все же им занимаетесь и при этом стараетесь быть добросовестным, то прежде всего должны понимать, что в ходе работы вам придется пойти на такое количество упрощений, что вероятность точного прогноза практически сведена к нулю. Чтобы сократить число и масштабы ошибок, люди оценивают исходную обстановку, определяют варианты политики, анализируют их и вы-

---

¹ В расчетах исследовательской группы журнала «Эксперт» ситуация выглядит более благополучной: до 85% населения России имели в 2008 году реальные доходы выше позднесоветского уровня. Но все же и в этих расчетах относительная бедность, т.е. доля семей с доходом существенно ниже доминирующего в стране, ныне намного выше, чем в 1990 году. В «Эксперте» применили критерий, принятый в ЕС: доля населения, имеющая доход ниже 60% медианного дохода, т.е. дохода семей, больше и меньше которых имеет равное количество населения. У нас в 1990 году относительно бедных было 11% населения, а в 2008 году — 26% (см.: [Журавлев и др., 2011, с. 24–25]).

бирают, по их мнению, лучший. При ошибках вносят коррективы. Примерно так же поступили и мы. Исходная ситуация — это стартовая площадка. Цель — модернизация России. Выбраны варианты политики: 1) модернизация сверху (авторитарная); 2) решительный рывок; 3) постепенное развитие. Далее мы проанализируем эти варианты и попытаемся построить сценарии развития страны при разных сочетаниях вариантов политики с внешними условиями.

Ключевой момент — реакция на ту или иную политику различных слоев общества, групп интересов. Картина общественных взаимодействий чрезвычайно сложна. Для анализа ее приходится заменять крайне упрощенными моделями — в надежде, что одна из них «уловит» характер взаимодействий, наиболее существенных для реализации выбранных вариантов политики.

Подобную модель удобно представить в виде игры, причем необязательно использовать формальные методы теории игр. Речь идет о том, чтобы описать ожидаемое развитие событий в виде равнодействующей взаимодействия ряда команд игроков как агентов разных групп интересов. Различающиеся правила игры имитируют разные варианты политики в течение обозримого времени.

В качестве примера такой игры приведу модель, использованную Э. Маскиным в докладе на симпозиуме, посвященном памяти С. Хантингтона, в Москве в 2010 году в Высшей школе экономики (см.: [Maskin, 2010]), для описания процесса формирования культуры как совокупности социальных норм. За основу берется игра, которую называют «Дилемма заключенного».

Два игрока могут выбирать между «кооперацией» (K), требующей приложения усилий, и «дезертиризмом» (D), т.е. бездельем. Если оба они решают сотрудничать, то каждый (по предложению Маскина) получает выигрыш 6, а с учетом издержек 4 — чистый выигрыш 2. Но если сотрудничать решает один, то каждый получит выигрыш 3, причем K получит чистый результат ($3 - 4 = -1$), а D — ($3 - 0 = 3$). На первом шаге D получает выигрыш, а K проигрывает. Тогда на втором шаге, если оба выбирают стратегию D , никто не выигрывает ничего. Но если бы они выбрали стратегию K , то оба выиграли бы по 2. Иными словами, стратегия кооперации в повторяющейся игре выгодна обоим, и те сообщества, где доминирует кооперация, в перспективе выигрывают, усваивая эту стратегию как социальную норму и тем самым наращивая культуру. Если на этом фоне кто-то однажды выберет D , то он даст повод и другому дезертировать на следующем шаге. Если потеря сотрудничества закрепится, сообществу грозит упадок.

Напротив, если сообщество жило по стратегии *Д*, а затем нашлась группа мутантов, которая перешла к стратегии *К*, то ее выгоды становятся поводом для других также перейти к сотрудничеству. В работе [Fudenberg, Maskin, 1986] показано, что в повторяющихся играх все исходы лежат между *К* и *Д*, доля *К* зависит от социальных норм, но точные прогнозы получить невозможно. Суть культурного развития состоит в увеличении доли *К*.

Мы воспользуемся логикой Маскина, чтобы проанализировать варианты политики с изменениями, вытекающими из задачи оценки динамики модернизации при соответствующих вариантах. Игроки — государство, бизнес и общество. Их поведение определяется уровнем доверия как основой кооперации. Выбор игроками доверия или недоверия определяется правилами игры, вытекающими из проводимой политики. Наши дальнейшие рассуждения будут качественными, так как условными числами, полезными для целей иллюстрации, мы пользоваться не будем.

После этого, используя результаты анализа вариантов политики, попытаемся построить возможные сценарии развития, которые, собственно, и будут представлять собой варианты прогноза.

4. Игра I. Модернизация сверху

Суть модернизации сверху состоит в том, что *государство* выступает инициатором всяких действий и принуждает бизнес и общество выполнять свои предписания. Определенный набор инициатив, нацеленных на технологические, структурные и иные изменения, адресуется государством бизнесу и обществу для исполнения. Исполнение обеспечивается бюрократией, включая силовые структуры, реализующие присущие государству функции легитимного насилия. Правила этой игры предполагают, что для повышения действенности предписаний государства его представители могут превышать свои полномочия, в том числе используя их в своих личных и групповых интересах. Лояльность государству покупается закрытостью и безнаказанностью. Такая возможность вытекает из того, что бизнес и общество не могут контролировать некоторые виды деятельности и правила игры.

Бизнес осуществляет экономическую деятельность, располагает активами и привлекает по найму работников, составляющих ресурс общества. По природе своей он нацелен на максимизацию своих доходов. Адресованные ему инициативы государства огра-

ничивают его естественные устремления. Интересы бизнеса и государства в рамках политики модернизации сверху расходятся, если инициативы государства препятствуют целям бизнеса, причем естественный рыночный конкурентный механизм согласования интересов при этом не работает. Тогда государство должно либо применять принуждение, либо создавать стимулы для нужных ему представителей бизнеса.

Последние будут стремиться к тому, чтобы получить максимальную выгоду от навязываемой им кооперации, а остальные окажутся в неравных условиях конкуренции. В итоге между государством и бизнесом складывается обстановка взаимного недоверия, ведущая к некооперативному поведению каждой из сторон. Отказаться от сотрудничества ни одна из сторон не может, но результаты его не могут быть высокими, и цели модернизации не достигаются или достигаются не в полной мере.

Треугольник недоверия

Общество как множество потребителей и наемных работников, если оно лишено возможности контролировать деятельность государства и бизнеса, участвовать в формировании и работе органов власти, испытывает недоверие и к государству, и к бизнесу. Но именно такой порядок вынужденно устанавливается политикой модернизации сверху, предполагающей концентрацию инициатив в руках государства. Общество в этих условиях предполагает, что все изменения будут происходить за его спиной и за его счет, к выгоде государства и бизнеса. Если у общества нет возможностей для легитимной защиты своих интересов, оно прибегает к таким методам, как понижение качества работы, саботаж и воровство.

В таблице 4 приведены данные из Европейского социального исследования за 2010 год об уровне доверия в выборке из 20 европейских стран.

По приведенным данным видно, что Россия по уровню доверия занимает место в конце списка. Максимальные оценки — в Скандинавских странах. Минимальные — 1 раз в Португалии (оценка межличностного доверия малым бизнесом — самозаняты), 4 раза — в Болгарии, 2 раза — в России (оценка полиции — всеми респондентами и малым бизнесом). Оценки в России судебно-правовой системы — 17-е место всеми (3,8 балла) и 18-е — малым бизнесом (3,2 балла). Судебно-правовая система и полиция — всюду воплощение государства. В Дании (высшая оценка) — 7,4 балла,

Таблица 4. Уровни доверия в 20 европейских странах по всем типам респондентов и малому бизнесу (средние значения из 10 баллов)

	Межличностное доверие		Публичные институты							
	все	малый бизнес	институты	парламент		партии	судебно-правовая система		полиция	
				все	малый бизнес		все	малый бизнес	все	малый бизнес
Средняя по странам	5,0	5,1	4,3	4,2	5,0	4,3	5,0	5,0	5,8	5,9
Максимум	6,8	6,9	6,4	6,3	7,4	5,3	7,4	7,2	8,0	8,0
Минимум	3,5	3,1	2,3	2,4	2,5	2,0	2,5	2,4	3,5	3,1
Россия	4,2	3,9	3,3	3,6	3,2	3,1	3,8	3,2	3,5	3,1
Место из 20	17	18	17	15	18	13	17	18	20	20

Источник: ESS — 2010.

в Финляндии — 6,9. Полиция в Финляндии (высшая оценка) — по 8 баллов всеми респондентами и малым бизнесом. В России оценка полиции самая низкая — и всеми, и малым бизнесом. Недалеко ушла и судебно-правовая система. Можно сделать вывод: и общество, и бизнес у нас к этим институтам не испытывают доверия. Мнения представителей государства в этом исследовании не указываются. Но предположения напрашиваются.

Таким образом, политика модернизации сверху в принципе ведет к образованию треугольника недоверия, связывающего всех участников игры доминированием некооперативного поведения. А это снижает уровень деловой активности и вероятность успеха модернизации сверху.

Попробуем несколько усложнить игру.

Разделим игру на раунды, отделяемые друг от друга качественными изменениями.

Первый раунд

Предположительно это время формирования институтов и структур, призванных обеспечивать выполнение инициатив государства и правящей элиты: свертывание демократических ин-

ституты, если таковые были, повышение статуса и обеспечение безнаказанности силовых структур, выстраивание «вертикали власти», связывающей федеральный центр, регионы и уровень местного самоуправления. Нужна послушность бизнеса, и она достигается посредством усиления давления на него, прежде всего через создание угроз правам собственности. При этом следует ожидать усиления коррупции. Для манипулирования общественными настроениями под контроль ставятся СМИ, отчасти образование.

Изменения такого рода относительно легко воспринимаются, особенно в обществе, привычном к авторитаризму и уставшем от нестабильности в период кризиса. Стабильность, более простые правила игры — все это поначалу приносит позитивные результаты. В чем они состоят? В большей уверенности в том, что порядок будет соблюден, в предсказуемости действий игроков, в том числе некооперативных.

А вот в модернизации результаты совсем не позитивные, поскольку в рыночной экономике (ее основные принципы сомнению не подвергаются) локомотивом развития является бизнес, а его права оказываются ущемлены. Бюрократия, напротив, усиливается, а вместе с ней — та часть бизнеса, которая получает выгоды от связи с бюрократией и делится с ней, но при этом также теряет активность в силу неравенства условий конкуренции. Чтобы компенсировать недостаточную активность бизнеса, пытаются повысить роль государства в экономике. Затеваются крупные проекты с государственными инвестициями и привлечением послушных представителей частного бизнеса. Но заметных результатов нет. Модернизация связана с рисками, а в этой структуре рисков избегают все.

Условия успеха модернизации сверху

Модернизация сверху (авторитарная) иногда приносит успех, но, как показывает опыт, только при определенных предпосылках, а именно:

- 1) если она осуществляется в отсталой стране, находящейся в начальной фазе выхода из аграрной стадии развития, что предопределяет изобилие дешевой рабочей силы, в лучшем случае приученной к систематическому труду;
- 2) если имеется возможность заимствовать передовые технологии, в том числе через покупки или через привлечение инвестиций из более развитых стран;

- 3) при наличии открытых рынков, на которые можно экспортировать значительную долю производимой продукции, продавая ее по сравнительно низким ценам.

Россия явно не относится к числу таких стран, по крайней мере по первому и третьему пунктам.

Второй раунд

Второй раунд начинается тогда, когда проявляются последствия действия введенных ранее институтов, призванных повысить роль центральной власти, верха. Становится ощутимым снижение уровня деловой активности (недостаточные инвестиции, отток капитала, короткий горизонт планирования). Заметно усиливается коррупция. Слабая конкуренция, притом на неравных условиях. Свертывание демократических институтов облегчает управление вручную, но устраняет общественный контроль. Рост оказывается возможным только с притоком извне ренты или инвестиций. Если его нет, внутренние мотивации оказываются недостаточными. Ясно, что модернизация, ведущая к сокращению отставания, в этих условиях невозможна. В конце второго раунда либо меняется политика, либо наступает стагнация.

Я считаю, что в России, по крайней мере с 2003 года, проводится политика модернизации сверху. Сейчас мы находимся где-то в начале второго раунда. О результатах выше было сказано: можно считать, что все признаки исчерпанности этого варианта политики налицо. Структура власти, созданная в 2003–2005 годах для проведения такой политики, стала основным препятствием для ее смены.

5. Игра II. Решительный рывок

Напомню, что решительный рывок — это один из вариантов модернизации снизу, цель которой состоит в том, чтобы через институциональные реформы и развитие культуры создать условия для активизации инициативы и энергии людей, их креативных способностей. Это главный резерв России для ответа на вызовы XXI века, в том числе в развитии современной инновационной экономики.

Модернизация снизу напоминает модель культурного развития Э. Маскина, суть которой в том, чтобы, начав двигаться от ситуа-

ции треугольника недоверия, заменить его треугольником доверия и кооперативного поведения, воспользоваться потенциалом, скрытым в активизации человеческого фактора.

Напомню в связи с этим также о двух моделях М. Олсона:

- 1) государство на службе общества, когда политико-экономические институты настроены на работу государства в пользу граждан, вызывая со стороны последних доверие к нему и содействие;
- 2) общество на службе государства, когда первое выполняет функции «тяглогового сословия», поставляющего ресурсы государству и «служивому сословию», с понятным взаимным недоверием (см.: [Олсон, 1998, с. 400–401]).

Модернизация снизу — процесс перехода от второй модели к первой, от законов, которые большинству выгодно нарушать, к законам, выгодным для большинства и потому исполняемым не из-под палки. Вопрос в том, как этот переход осуществить.

Минимальный пакет либеральной демократии

Важнейшей частью институциональных изменений, призванных повысить уровень доверия и активизировать человеческий фактор, является демократизация. Этот тезис вызывает споры. Так, Д. Медведев пишет: «Демократия стала массовой, когда массовым стало производство самых необходимых товаров и услуг. Когда уровень технологического развития западной цивилизации сделал возможным всеобщий доступ к элементарным благам, к системам образования, медицинского обслуживания, информационного обмена» [Медведев, 2009, с. 12]. Готов согласиться. Но, глядя на сегодняшние проблемы России, вижу, что решение большинства из них упирается в необходимость большей свободы, защиты от произвола и коррупции бюрократии, общественного контроля за бюрократией и бизнесом, доверия людей к публичным институтам. Ничего этого сегодня нет. Скорее, речь должна идти о параллельном движении, в котором следующий шаг определяется степенью насыщенности задач. Сегодня более насущна демократизация.

Суть решительного рывка в том, что в первую очередь осуществляется трансформация политической системы, которая в итоге должна приобрести минимальный набор признаков *либеральной демократии*. Что бы ни говорили о последней, именно в ней сконцентрированы те достижения политической культуры, которые

создают благоприятные условия для креативности и инновационного развития.

Кроме того, если мы обратимся к другим областям экономической и общественной жизни России, то увидим, что повсюду, скорее, нужны не рывки, а спокойная, систематическая, квалифицированная работа по выращиванию необходимых институтов. Но зачастую условий для такой работы нет, прежде всего в силу недостатков политической системы, ее чрезмерной централизации и коррумпированности, невозможности для множества людей принять участие в этой работе, проявить свою инициативу и энергию в бизнесе, гражданской и политической деятельности. Квалификация в этих условиях в целом не растет, скорее падает.

Напомню, что в 1980-е годы основным содержанием перестройки была именно демократизация. Но нарастание кризиса в экономике чувствовалось все сильнее, и в конечном счете демократизация вынуждена была уступить экономике. Демократическая волна помогла осуществить рыночные реформы, однако задачи политической трансформации оказались отодвинутыми на второй план. А затем даже произошли сдвиги в обратном направлении. Поразительно, как трудно завоевываются демократические институты и как легко утрачиваются!

Мы говорим о минимальном наборе признаков либеральной демократии, поскольку для обеспечения ее работоспособности необходимо примерно одновременное введение минимума комплементарных демократических институтов, поддерживающих друг друга. Отсюда идея решительного рывка.

Для России в нынешних условиях этот пакет может быть определен следующим образом:

- 1) ликвидация *персоналистского режима*, устранение свойственного российской политической традиции *единовластия*, несовместимого с демократией, *реальное разделение властей*;
- 2) *политическая конкуренция*, предполагающая многопартийную систему, представляющую основные интересы и убеждения граждан, свободу собраний и ассоциаций, отказ от формального членства в партиях или от требования минимального числа членов при регистрации партий для участия в выборах. Изменение избирательного законодательства в целях обеспечения свободных и честных выборов;
- 3) *верховенство права* — независимость судебной власти, равенство всех перед законом; преследование по закону лиц,

пытающихся воздействовать на судей, изменение полномочий председателей судов с исключением возможности для них влиять на положение судей в зависимости от принимаемых ими решений, расширение полномочий суда присяжных;

- 4) *демократический контроль за исполнительной властью, подчинение бюрократии интересам общества*. Принятие закона о парламентских расследованиях с определением их тематики и объектов независимо от правительства. Свобода СМИ;
- 5) *децентрализация*. Повышение роли местного самоуправления. Наделение более широкими правами муниципальных образований, которые обнаруживают зрелость; активное участие гражданского общества, разумное распоряжение финансами — своего рода российский вариант «магдебургского права», стимулирующий другие муниципалитеты к обретению такого же статуса. Разрешение им самим устанавливать местные налоги и сборы. Ликвидация постов сити-менеджеров, как института, не только не способствующего в российских условиях развитию местного самоуправления, но и, напротив, мешающего ему, завершающего конструкцию «вертикали власти».

Подчеркну, речь идет о правах и свободах, гарантированных Конституцией и заблокированных нынешней правящей элитой. Список можно расширить, но тот, что мы привели, следует считать необходимым в первую очередь, здесь и сейчас.

Первый раунд

Поспешные действия предпринимаются в надежде на быстрый результат. Можно ли на него рассчитывать в данном случае? Представьте себе, что с программой из названных пяти пунктов вы выходите сегодня на выборы. Предположим, за вами идет некая партия либерального толка, выборы проводятся сравнительно честно и у вас есть средства для организации приличной избирательной кампании. Все это похоже на фантазию. Но у меня даже при этих условиях есть серьезные сомнения в успехе тактики «здесь и сейчас».

Решительный рывок предполагает, что власть в центре находится в руках команды, которая убеждена в необходимости политических реформ и готова взяться за них. Власть к сторонникам реформ может перейти либо в результате выборов, либо вследствие

раскола правящей элиты с приходом к власти одной из групп, демократически настроенной.

Победа на выборах в обозримое время явно исключена. Чтобы победить на выборах и легитимно получить власть, *сторонники демократии должны предварительно провести через парламент изменения в избирательном законодательстве, позволяющие им как минимум активно вести избирательную кампанию* и предупреждающие злоупотребления административным ресурсом. Подчеркну важное для модернизации снизу слово *легитимно*. Демократии нужна только победа, утверждающая торжество права. Поэтому степень решительности рывка будет неизбежно понижена этим условием.

Вариант раскола в правящей элите может показаться более реалистичным, но надо представить себе, какие процессы в ней для этого должны произойти, при том что раскол до поры до времени невыгоден никому. Замечу, что, по мнению некоторых исследователей (см.: [Норт и др., 2011, с. 266–270]), пороговыми условиями мирного перехода к демократии (порядку открытого доступа) являются: 1) признание верховенства права внутри элиты; 2) бесспорное существование организаций — носителей интересов, независимо от воли короля или лидера; 3) консолидированный контроль над основными силовыми структурами. В любом случае оппозиция расколам и рывкам в элите будет весьма сильной. Шансы радикальных демократов, если таковые найдутся, весьма призрачны.

Но предположим, что каким-то непонятным образом у власти оказались сторонники демократических преобразований. С каким состоянием общества они столкнутся?

Следует признать, что, хотя в обществе весьма распространены настроения недоверия и недовольства, они не являются активными.

Бизнес, более всех заинтересованный в преобразованиях, органически склонен к осторожности. Решительный рывок будет его отталкивать непредсказуемостью последствий. Обозначатся разные группы интересов. Те, кто был связан с предшествующим режимом, будут, вероятно, препятствовать переменам. Так было и в 1999 году: Путин во многом обязан вознесением на Олимп тем приближенным Ельцина, которые боялись за свое положение и состояние в случае прихода к власти Примакова. Будут, конечно, группы, поддерживающие демократию, как и те, кто не станет класть все яйца в одну корзину. Скорее всего, снизится деловая активность, усилится утечка капитала.

Общество, включая интеллектуальную и оппозиционную часть политической элиты, находится сейчас, как я думаю, в состоянии так называемого *квазистационарного равновесия Кёлера* — термин, взятый мною у Л. Росса и Р. Нисбета (см.: [Росс, Нисбет, 2000]). Им обозначается состояние, когда общество находится в известном напряжении, при том что «движущие силы» перемен сталкиваются с «силами сдерживания», и равновесие между ними создает ситуацию, когда никакие значимые перемены не представляются возможными. При повышении напряжения ожидаем переход в состояние *неустойчивого равновесия*. Оно характеризуется не тем, что перемены наступают при логически объяснимых условиях, а повышением вероятности *мобилизации*, т.е. массовых выступлений, возможно, по совершенно случайным поводам.

В первом раунде решительного рывка после ключевых преобразований как раз, как я думаю, повышается вероятность перехода к состоянию неустойчивого равновесия и мобилизации с непредсказуемыми последствиями.

Конформизм

Я бы хотел особое внимание обратить на готовность российского общества к демократическим переменам и к институциональной модернизации. Нашим политикам, кроме тех, кто имеет связь со спецслужбами, вообще, кажется, несвойственна мысль о стратегическом планировании политики, о *дорожной карте* — модное выражение — между конечной целью и исходным состоянием. Быть может, это и правильно, учитывая неопределенность и сложность угадывания будущего: ввяжемся в бой, а там посмотрим. Но все же некая неизменная беззаботность относительно возможных отрицательных последствий предпринимаемых действий меня смущает, особенно после наблюдений последних 20 лет.

Впрочем, очень многие предупреждали о том, как важно учитывать российский традиции. Когда речь шла об экономических реформах, я не считал возможным считаться с традициями: слишком очевидной для большинства была необходимость быстрых перемен, слишком дорогой оказалась бы цена постепенности, которая все равно, видимо, была бы сорвана. Но сейчас речь идет о реформах прежде всего политических, о сфере, где адаптация к новым институтам требует иного времени, труднее поддается влиянию, чем в случае экономических институтов, теснее связанных с материальными интересами. Мы видели, как попытки их ускорен-

ного внедрения столкнулись с многообразными извращениями или отторжениями.

Обратимся к данным Левада-Центра (www.levada.ru), который в течение многих лет задавал в своих анкетах вопрос о предпочитаемом гражданами типе политической системы.

Таблица 5. Предпочитаемые политические системы, % к числу опрошенных

Год	Советская политическая система	Система, подобная нынешней	Демократия западного типа
2000	45	13	25
2009	38	25	18

Из таблицы 5 видно, что нынешняя дефектная демократия на грани авторитаризма за 2000–2009 годы потеснила из предпочтений советскую систему в меньшей степени, чем либеральную демократию, оказавшуюся на последнем месте. А советская даже сохранила лидерство. Майский опрос Левада-Центра 2011 года дал следующее соотношение ответов на вопрос «В какой мере для России подходит “западный” вариант общественного устройства?» (%):

- целиком подходит 6,6;
- его можно приспособить к российским условиям 19,8;
- не вполне подходит, вряд ли может прижиться 30,9;
- совершенно не подходит для российских условий 35,0.

Почти 66% опрошенных по российской репрезентативной выборке отвергают либеральную демократию, наиболее полно, на мой взгляд, представляющую демократию реальную. Разумеется, подобные общественные настроения меняются. Но наблюдения в России показывают, что низкие оценки демократии весьма устойчивы, а в последнее десятилетие даже имел место консервативный откат. Когда речь пойдет не об абстрактных суждениях — насколько подходит нам демократия, а о политике демократизации, тем более проводимой решительным рывком, с общественными настроениями придется считаться.

Но это не только поверхностные настроения. Россия — страна с глубоко укоренившимися традиционными институтами, еще более укрепившимися в период частых испытаний XX века, которые заставляли обращаться к архаичным способам изыскания средств

к существованию и формам общественной жизни. В советский период все формальные структуры строились иерархически, близко к феодальной сословности и имперской бюрократии. Современные сетевые структуры, характерные для развитой рыночной экономики, появились и стали развиваться у нас только в последние десятилетия. Аналогичные политические структуры, характерные для демократии, и поныне подавляются. Борьба традиционных и современных институтов составляет в известном смысле основное содержание длительного периода в жизни российского общества, начавшегося с крестьянской реформы 1861 года и не завершившегося до сих пор. Высокая степень конформизма ведет к неприятию норм и ценностей, доказавших в других странах свою способность содействовать креативному, инновационному развитию, модернизации общества на этой основе.

Вернемся к приведенным выше пяти пунктам либеральной демократии. Ликвидация персоналистского режима и предупреждение его появления вновь, создание реальных условий для политической конкуренции вряд ли привлекут поддержку большинства избирателей. Скорее, последние проголосуют за тех, кто обещает стабильность, величие державы и рост пенсий. Они не видят беды в единоличной власти или в несменяемом правлении группы лиц, которым законы не писаны. Или не считают ее существенной. Напротив, преобладает мнение, что России нужна «твердая рука». Равенство всех перед законом, т.е. верховенство права, занимает первые места во всех рейтингах актуальных задач, стоящих перед обществом, но, видимо, «твердая рука» кажется важнее, и граждане мирятся ради нее с выборочным правосудием, неравными условиями конкуренции, ограничением своих прав и свобод.

Короче, необходимо принимать во внимание конформизм российского общества. Если и возможен решительный рывок в демократической трансформации политических институтов, то он должен быть хорошо подготовлен. Общественные настроения к этому моменту должны быть в пользу реальной демократии.

Еще одно предупреждение

Эрик Маскин в упомянутом докладе пишет о возможностях ухода от траектории культурного развития на какие-либо боковые траектории. В его терминах решительный рывок начинается с того, что группа «мутантов» захватывает власть и от имени государ-

ства предлагает бизнесу и обществу кооперативную стратегию (*К*). Бизнес, как отмечалось, будет первое время воздерживаться от активных действий, предпочитая либо дезертирство (*Д*), либо чередование стратегий *Д* и *К*. Общество, питавшее до этого недоверие к власти, может теперь проявить высокое доверие, даже впасть в эйфорию, но новое настроение вряд ли окажется устойчивым. При малейшем разочаровании весьма вероятен новый приступ недоверия и конформизма.

Маскин, чтобы испытать надежность своих выводов о развитии культуры вследствие выгод кооперативного поведения, построил альтернативную стратегию АЛБТ (см.: [Maskin, 2010, с. 4]). Суть ее в том, что игра начинается со стратегии *К*, а затем чередуется между *К* и *Д*, пока один из игроков не нарушит правило, после чего все переходят на неизменную *Д*. Сама стратегия чередования дает выигрыш всем игрокам, но ниже кооперативной стратегии. Если некий «мутант» желает вернуть остальных игроков к стратегии *К*, то он должен будет чередовать *К* и *Д* точно так же, как играющий АЛБТ. Это весьма сложно, а ошибка ведет к переходу всех к *Д*. Отсюда низкая полезность в этих условиях успешной деятельности «мутанта». Отсюда низкая вероятность возврата к кооперативной стратегии. Выходы есть, но, что важно для нас, показываются угрозы чрезмерно рискованной политики.

Второй раунд

Самое нежелательное развитие событий во втором раунде этой игры — *новый откат*, еще одно издание авторитарного или близкого к нему режима.

Предостережения, высказанные по отношению к первому раунду: трудности легитимации демократических преобразований, конформизм общества и его возможное сопротивление переменам, угрозы потери стабильности, а также массовых мобилизаций с непредвиденными последствиями, имеют, на мой взгляд, более чем серьезные основания. Хотелось бы, чтобы еще одна попытка демократизации и модернизации России наконец привела к успеху.

Еще одна неудача будет воспринята как доказательство того, что демократия вообще противопоказана России, что она ведет не к подъему, а к упадку экономики и благосостояния граждан. Еще один затяжной цикл авторитаризма в ответ на очередную попытку

вырваться из его объятий — это новая волна неверия в жизненные силы и будущее страны.

Не исключено, что политика решительного рывка могла бы оказаться удачной. И легко получилось бы ввести минимум правил либеральной демократии — в конце концов, однажды что-то подобное случилось в начале 1990-х. И потом без сложностей прошла бы адаптация общества к ним, что в жизни получилось гораздо менее удачно. Опасения за судьбу новых попыток заставили меня описать результаты этой игры в мрачных тонах, так, как я на самом деле не думаю.

6. Игра III. Постепенное развитие

Постепенное развитие — вариант модернизации снизу, но без рывков. Предполагается поток институциональных изменений, по отдельности не столь существенных, но вместе шаг за шагом ведущих к осязаемому развитию культуры и повышению ее продуктивности.

Особенность нашей страны, как и других развивающихся стран, в том, что она стремится культивировать институты, оправдавшие себя в иных странах и в иной культурной среде. Поэтому обычно вначале принимается закон. При его подготовке проектируют новый институт и, по идее, должна состояться публичная дискуссия, облегчающая прохождение закона и его последующее применение. В отличие от стран, где институт рождается на собственной почве, а закон только оформляет, легализует его существование, у нас принятие закона обычно только обозначает начало дела. Далее начинается выращивание института (см.: [Кузьминов и др., 2005]): принятие закона порождает поток прецедентов его применения, позитивных для него или негативных. Соотношение между ними зависит, в частности, от сил поддержки и сил сопротивления. Возможные реакции — усвоение (после периода адаптации), отторжение и извращение. Усвоение характеризуется прохождением барьера большинства (норма воспринимается и применяется большинством заинтересованных субъектов, она получила признание). Отторжение или извращение (практика вкладывает в принятую форму иное содержание, вопреки духу закона) означают, что либо институт неудачно спроектирован, либо силы сопротивления сильнее. Тогда надо возвращаться к проекту и переделывать его, т.е. начинать работу сначала.

Четыре примера

Подобные процессы мы наблюдали все последние годы. Борьба сил поддержки и сопротивления, движущих и сдерживающих сил вокруг усвоения различных нововведений институционального характера во многих отношениях составляла содержание экономической и социальной жизни в России. Приведем — очень коротко — четыре примера.

Первый пример — введение плоской шкалы подоходного налога. Этот налог был введен в 2002 году взамен налога с прогрессивной шкалой с максимальной ставкой 35%. Собираемость прогрессивного налога была низкой, функцию укрепления социальной справедливости он явно не выполнял. Напомню, что в 1999 году в Госдуме в период премьерства Е.М. Примакова звучали предложения о повышении максимальной ставки подоходного налога до 45%.

Плоская шкала — это единая ставка 13%.

Такой налог Россия ввела одной из первых в мире, резко упростив его администрирование, что само по себе было важно в условиях слабого государства и низкой дисциплины налогоплательщиков. Поступления подоходного налога при этом выросли на 20%. Нельзя сказать, что доходы населения были полностью выведены из тени, — за это налог подвергался критике со стороны недоброжелателей, хотя такая задача авторами и не ставилась: они хотели только большей прозрачности и сокращения издержек администрирования (см.: [Синельников-Мурылев, Трунин, 2010]). Дополнительный эффект, однако, укрепил репутацию налога, его ввели в нескольких странах Восточной Европы, а инициаторы иных налоговых нововведений, например снижения единого социального налога (ЕСН), в 2004 году обосновывали его ожиданием увеличения поступлений от налога при снижении его ставки, ссылаясь на опыт плоской шкалы.

Правда, с тех пор от приверженцев социальной справедливости регулярно поступают предложения вернуться к налогу с прогрессивной шкалой. Но я думаю, что мы уже никогда к нему не вернемся, даже если повысится налоговая дисциплина. Выгоды плоской шкалы, ее практичность слишком очевидны. А целей социальной справедливости можно достигать иными средствами, например повышением обложения недвижимости, транспортных средств, наследств и т.д.

Это пример удачного изменения института, с позитивными прецедентами и успешной практикой применения.

Второй пример — реформа образования, введение единого государственного экзамена (ЕГЭ). Эксперименты с ЕГЭ проводились девять лет. Чтобы упростить дело и ослабить сопротивление реформе, отказались от принципа «деньги идут за учеником», заменив его подушевым финансированием. Вроде бы дело техники, но ученик исключен из процесса, осталась, по сути, прежняя смета. Все делается внутри бюрократического аппарата, а возможность конкуренции между вузами в значительной мере утрачена.

И все равно сопротивление отчаянное. Несмотря на очевидные достоинства единой и независимой оценки достижений абитуриентов, которые, правда, не всегда сразу проявляются в силу недостаточной квалификации и нравственных устоев педагогов, привычек учеников, невозможности быстро подготовить высококачественные тесты и отладить другие инструменты оценки знаний, новой системе противостоят и родители, и учителя, включая лучших из них. Большинству и сейчас кажется, что старая система лучше учитывала индивидуальные способности, была душевней, что ли...

Волна обструкции ЕГЭ нарастает в первую очередь в Москве. Но на самом деле — это мое мнение — ею движет привычный интерес: помочь своим. И неважно, что молодые люди приучаются к циничности и невзыскательности, к тому, что нужно иметь связи, а не хорошую подготовку, — по-прежнему бытует мнение, что так было, есть и будет вечно. Решительно не соглашусь: думать так — значит продолжать жить вчерашним днем. Мы видим, что в других странах, более успешных, чем мы, лишь крайне незначительная часть общества разделяет подобные установки, что способствует проявлению индивидуальных способностей. Оставшись при «своем мнении», проиграем в конкурентоспособности. Между тем новая система уже начинает демонстрировать свои достоинства: набранные на ЕГЭ баллы становятся признанным критерием успешности абитуриентов и привлекательности вузов.

Третий пример — пенсионная реформа. Здесь никак не получается уравновесить интересы: бизнес хочет платить меньше, пенсионеры хотят получать больше и при этом не платить ничего, переложив все заботы на бизнес и государство. Государство, точнее правящая элита, избегает непопулярных решений, увеличивающих политические риски.

Реально реформа началась в 2001 году. Отказались от введенного ранее страхового принципа, перешли к ЕСН по ставке 35,7% фонда оплаты труда. В 2004 году снизили ЕСН до 26%, а с учетом регрессивных шкал для ряда секторов — до эффективной ставки

24%. В итоге образовался растущий дефицит Пенсионного фонда, при том что реформа предполагала формирование накопительной части пенсий. Со временем она должна была составить основу пенсионной системы, учитывая старение населения. Распределительная часть, реализующая принцип солидарности поколений, должна была спустя какое-то время прекратить существование, хотя пока она даже в самых продвинутых странах занимает в пенсионных фондах большую часть. Накопительная часть пенсионного фонда призвана также обеспечить у нас появление в финансовой сфере «длинных» денег. Лоббисты от государства предложили в той трудной ситуации вообще отказаться от накопительной части, перейти на добровольную систему формирования пенсий, что вызвало бы со временем тяжелые шоки у граждан, получавших низкие доходы и не склонных к сбережениям. Когда затем в 2007 году решили опять повысить ЕСН и снова перейти на страховой принцип, восстал бизнес. Президент поддался давлению и дал поручение снизить ставки страховых взносов, что вновь обострило проблему пенсионного дефицита.

Решение известно, но оно непопулярно: надо ввести обязательные пенсионные взносы для всех работников, пусть небольшие. Такой порядок существует во всех странах, исключения — только мы и Австралия. Надо также повысить пенсионный возраст, пусть сначала для тех, кому до выхода на пенсию 20 лет. Улучшить условия добровольного пенсионного страхования. Продумать, стоит ли платить государственную пенсию богатым, которые в ней не нуждаются.

Это всё? Нет, поскольку у значительной части населения крайне низкие доходы, которые не позволяют им делать даже небольшие взносы на пенсии и медицинское страхование, а также брать ипотечные кредиты на покупку жилья. Это тот случай, когда постепенно, незначительными шагами дело не решишь. И вопрос не только в низком уровне развития экономики, низкой производительности, но и в необходимости более крупных институциональных изменений, включая повышение зарплаты бюджетников и открытие бюджетной сети воздействиям рынка.

Я не буду здесь описывать то, что готов предложить и уже предлагал (см.: [Ясин, 2002]), — понадобилось бы слишком много места. Да и задача у меня иная. Я хочу показать, как, опасаясь большего сопротивления новому институту и негативного прецедента, мы не принимаем институциональное решение, закрывающее проблему. Нерешенность же проблемы подрывает доверие инве-

сторов и будущих пенсионеров. Государство отделяется частичными решениями, не только позволяющими откладывать решение принципиальное, но и усложняющими дело.

Четвертый пример — история Евгения Чичваркина, одного из наиболее успешных российских предпринимателей, создателя «Евросети». Несколько лет назад представители правоохранительных органов изъяли у него партию импортных телефонов, обвинив в контрабанде. Обвинение не подтвердилось, но товар был распродан. Чичваркин сам обратился в суд. Виновников не судили, однако престижу «ментов» был нанесен урон. Это был негативный прецедент I. Когда экспедитор компании Чичваркина украл товар, чтобы самому поживиться, сотрудники компании уже остереглись обращаться в милицию и решили разобраться с вором по-своему, — негативный прецедент II. Правоохранители взяли случай на заметку, и когда сложилась подходящая обстановка, чтобы отомстить, завели на Чичваркина уголовное дело, принудили его продать бизнес и уехать за границу. Урок для всех российских предпринимателей, не первый и, видимо, не последний. Негативный прецедент III, явно свидетельствующий о незащищенности прав собственности, неспособности правосудия выполнять свои функции, в том числе из-за усилившейся в последние годы безнаказанности силовых структур.

Все эти примеры хорошо известны. Из подобных элементов складывается вся наша экономическая и общественная жизнь. В борьбе вокруг образующих содержание этой жизни процессов, в которой сталкиваются интересы разных групп, обозначается направление равнодействующей силы, которая определяет развитие общества. Если преобладают негативные прецеденты, отражающие перевес традиционалистских сил, то мы имеем дело с траекторией стагнации, а возможно, и деградации, упадка. Если, напротив, начинают преобладать прецеденты позитивные, направленные на развитие культуры, повышение креативного потенциала общества, то уместно говорить о модернизации. Если наблюдается модернизация, пусть медленная, без рывков, сопровождающихся заметными взлетами и падениями, но с позитивной равнодействующей, значит, мы имеем дело с *постепенным развитием*.

Первый раунд

Но постепенное развитие в нашем случае является вариантом модернизации снизу. Иначе говоря, для активизации бизнеса и

всех слоев общества в целях повышения продуктивности культуры и ускорения на этой основе развития экономики оно предполагает постепенное (в противовес решительному рывку) перемещение решений и самостоятельных действий вниз, смену модели «государство берет дань с общества» (вторая модель М. Олсона) на модель «государство служит обществу» (первая модель М. Олсона). Соответственно должен повышаться уровень доверия между государством, бизнесом и обществом.

Постепенность и децентрализация, таким образом, специфические свойства данной игры. Предпосылкой придания игре этих свойств является изначальная нацеленность правящей команды на проведение соответствующей политики. Такая политика должна быть публично декларирована, общество должно иметь возможность раз за разом убеждаться в том, что декларации подтверждаются реальными действиями и результатами. Отсюда следует, что в правящей команде должны произойти по крайней мере частичные изменения, она должна быть хотя бы разбавлена новыми людьми, зараженными идеями перехода к демократической модернизации.

Постепенность будет гарантироваться присутствием представителей прежней команды, а стало быть, и столкновениями разных взглядов, борьбой противоречивых интересов. Поэтому важно, чтобы в первом раунде осуществлялись меры, не вызывающие наиболее острых конфликтов, но в то же время позволяющие продвигать формирование институтов конкурентной рыночной экономики и демократизации, активизировать все более широкие круги бизнеса и общества. Это означает одно: пошаговое самоограничение прежде всего федеральной исполнительной власти, ее публичный отказ от тех или иных прерогатив, в том числе неявных.

Для первого раунда подходит, в частности, ускоренное продвижение *пакета социальных реформ* — жилищной, пенсионной, здравоохранения и образования. При этом предпочтительно, чтобы еще при авторитарной власти, видящей, однако, перспективу последующей демократизации, были осуществлены наиболее сложные, непопулярные этапы этих реформ, например:

- *для жилищной реформы* — демонополизация первичного рынка жилищного строительства, начало перехода от продажи квартир в новых домах к их аренде, строительству доходных домов. Упрощение оформления землевладения. Условие — снижение инфляции до уровня, обеспечивающего доступность ипотеки;

- для *пенсионной реформы* — введение обязательных пенсионных взносов с начала трудовой жизни, повышение пенсионного возраста. Условие — повышение оплаты труда бюджетников и изменение сети бюджетных учреждений с учетом состояния рынка труда;
- для *реформы здравоохранения* — введение обязательного личного медицинского страхования с платными полисами для всех, на которые вносятся средства государственного минимума бесплатных медицинских услуг;
- для *реформы образования* — завершение внедрения ЕГЭ и начало введения государственных именных финансовых обязательств (ГИФО), обеспечивающих конкуренцию между вузами и закрытие или преобразование тех из них, которые не обеспечивают принятых стандартов качества и не привлекают достаточного объема ресурсов.

Все подобные меры должны обсуждаться и проходить экспериментальную проверку при участии широкой общественности.

Постепенный поворот от авторитарной к демократической модернизации снизу наиболее уместен также для начала нового этапа *реформы местного самоуправления*, смычки с активизацией гражданского общества. Дело в том, что в 2003 году вместе с поворотом к госкапитализму произошли также перемены в институтах федерализма и самоуправления на местах. Губернаторы, теперь назначаемые, хотели довести «вертикаль власти» до мэров, централизация финансов возросла, а влияние избирателей на нижний уровень власти практически свелось к нулю. Ясно, что демократизация при постепенном развитии должна начинаться именно здесь, где возрождение демократических институтов будет создавать низовую основу, не затрагивая поначалу «верхи». Но надо иметь в виду: это возврат к тому, что было, и он не всем понравится. Принципиальный вопрос в том, чтобы дать городам и муниципальным образованиям, в первую очередь более опытным и успешным, право самостоятельно устанавливать и взимать местные налоги и сборы, положить тем самым начало переходу на конкурентную форму бюджетного федерализма, снизить уровень централизации, сделать местные власти зависимыми от избирателей в большей степени, чем от губернаторов и федеральных трансфертов. Когда-то в Европе городам давали «магдебургское право». Нам нечто подобное тоже может понадобиться, в том числе для смягчения последствий и повышения приживаемости новых институтов.

Еще одно направление первого раунда — *верховенство права*: судебная и правоохранительная системы могут подвергаться преобразованиям относительно независимо от других институтов, с опережением, чтобы люди были лучше подготовлены к игре по новым правилам. Ключевой момент — серия прецедентов наказания силовиков, уличенных в произволе, в корыстном использовании права на легитимное насилие. Потребуется также большая работа по совершенствованию законов, чтобы исключить саму возможность их различных толкований, чтобы покончить с *толковательным правом*. Но должно быть ясно, что право обретает силу, когда его верховенство признается политически, когда это признание вырывается равновесием политических сил.

Поскольку в составе правящей команды и в обществе будут противостоящие группы: либералы и силовики, голуби и ястребы, реформаторы и консерваторы, постепенная модернизация снизу будет нести черты компромиссов между ними. Собственно, сама постепенность, ее масштабы будут обусловлены итогами непрекращающихся торгов, уступок, маневров, явных и скрытых от взглядов публики. Вязкая, порой мучительная борьба, не всегда победная, следы которой проявляются в виде непоследовательностей в новых институтах, ловушек, несущих новые проблемы. Напомню, критики крестьянской реформы 1861 года упрекали ее за половинчатость, консерватизм, приведшие к революции в 1905 году. А ведь это были плоды компромиссов. Такова, видимо, цена постепенности, несомненный минус варианта, который всегда таит в себе угрозу остановки и попятного движения.

Любые позитивные шаги по пути модернизации снизу, пусть постепенной, а стало быть, и демократизации будут, видимо, поддерживаться большей частью интеллектуальной элиты, гражданскими организациями. Консерваторы выступают против, осуждая отступление от традиций и узко понимаемых национальных интересов. Левые и коммунисты на первых порах поддержат модернизацию снизу, поскольку они заинтересованы в демократических институтах для достижения большей, в их понимании, социальной справедливости. Но по многим пунктам реформ они окажутся в оппозиции.

Публично, в СМИ, неизбежна волна критики федеральной власти за медлительность, которую многие будут трактовать как неуверенность или следствие борьбы в руководстве из-за каждого шага: одни стараются действовать, другие — выхолостить суть, чтобы цели действий не достигались. Критика будет нередко спра-

ведливой. Трудный путь! Нужно демонстрировать позитивные перемены в нарастающем темпе, убеждая людей в твердости намерений власти ограничивать себя, менять свой статус — от господства к служению. Если хоть каких-то заметных сдвигов не будет, развитие пойдет по варианту инерции или модернизации сверху. Треугольник недоверия будет сохраняться, тогда как задача в том, чтобы нарачивать в нем перемены.

Бизнес встретит изменения в политике с привычным скепсисом и долгое время, пока не наберет убедительных доказательств, позитивно реагировать, рискуя капиталами, не будет. Поэтому и экономическая динамика может оказаться неуверенной.

Между тем вклад частного бизнеса решающий. Для технологической модернизации нужны крупные инвестиции в сектора экономики, которые имеют шанс стать конкурентоспособными на мировом или хотя бы на внутреннем рынке. Надо обеспечить переоснащение предприятий современным оборудованием, обучение работников, повышение в итоге производительности, хотя бы до 50% от уровня США. Для этого нужны сильные мотивации, уверенность, готовность рисковать, планировать на много лет вперед. Правовые гарантии и финансовая поддержка государства без этого будут недостаточны.

Общество будет, видимо, позитивно, но пассивно поддерживать перемены. Можно ожидать и таких консервативных реакций, как в случае с ЕГЭ. Но ограничение как бюрократии, так и бизнеса в его погоне за прибылью возможно только при последовательной демократизации, включая прежде всего свободу слова, верховенство закона и политическую конкуренцию.

Второй раунд

Как ни странно, но если был бы избран проект постепенных реформ, то во втором его раунде должны были бы, на мой взгляд, развернуться события, по содержанию сходные с событиями первого раунда решительного рывка.

Действительно, рано или поздно, но минимальный пакет либеральной демократии на пути модернизации снизу все равно должен быть реализован. Причем весь пакет, чтобы образовался комплекс взаимной поддержки демократических институтов, как было с рыночными институтами в 1992–1994 годах. Это критический пункт на пути институциональной модернизации снизу. Возможно разделение его на этапы: вначале, например, измене-

ния в партийном и избирательном законодательстве, обеспечивающие легитимность последующих решений, затем гарантии против личной власти и т.п. После этого «низы» подключаются к деятельности, за которой они до сих пор в лучшем случае наблюдали. То обстоятельство, что эти меры по демократизации предвзято принимаются постепенными шагами, пусть противоречивыми, в целом способно убедить бизнес и общество в том, что власть действует целеустремленно: нужно подготовить людей к их проведению, уменьшить вероятность предвидимых негативных последствий.

В принципе, нельзя исключить остановки преобразований, наподобие той, что произошла в 2003–2004 годах, вследствие противоречий между соперничающими группами элиты. Но она представляется в данном случае менее вероятной. Экономическая динамика вряд ли будет такой, как в 2004–2008 годах, скорее следует ожидать низких темпов роста, стагнации или даже нарастающего отставания. В этих условиях властям будет трудно удерживать квазистационарное равновесие, напряжение может расти, угрожая устойчивости режима. Но нужно понимать: либо модернизация останавливается, либо она сможет продолжаться только при условии осуществления и работы основных демократических преобразований. Пусть они будут происходить более умеренными темпами, но все равно следует ожидать усиления давления в пользу допущения различных общественно-политических сил к участию в решении общественных проблем, в публичной политической деятельности, а стало быть, к политической конкуренции, борьбе за власть.

Если в рамках первого раунда постепенных реформ начинается реформа местного самоуправления, ориентированная на децентрализацию, то теперь происходит наделение городов и муниципальных образований правом самостоятельного введения налогов и сборов, разворачивается работа по созданию условий для свободных местных выборов, развития гражданского общества и низовой демократии. Местные выборы становятся важнее федеральных. Это подготавливает последующие демократические преобразования на более высоких уровнях. Проведение реформ образования, здравоохранения, пенсионной системы, рынка жилья и коммунальных услуг также предоставляет значительные возможности для активизации населения и формирования навыков низовой демократии.

Если власти, взявшиеся осуществлять проект постепенного развития, будут стараться делать это всерьез, они разработают планы его реализации и подходы к разрешению многообразных конфликтов между силами поддержки реформ и противодействия им, к адаптации новых институтов, преодолению ими барьеров распространения. Разумеется, проявят себя все те трудности, которые были описаны применительно к первому раунду игры П «Решительный рывок». Может быть, растягивание сроков и все более очевидное исчерпание возможностей модернизации сверху несколько смягчат их. Но возможны и неожиданности. Проблем, связанных с реальной демократией и адаптацией свойственных ей институтов, все равно не избежать. Успех можно будет оценивать по тому, какие изменения произойдут с треугольником недоверия, насколько возрастет уровень доверия и кооперативного поведения в обществе, включая публичные институты.

7. Выводы из игр в модернизацию

Итак, игры сыграны. Что они показали?

Мы договорились рассматривать их не как прогнозы, но только как размышления о возможных будущих процессах и событиях при тех или иных предпосылках. И они приводят к определенным выводам.

Во-первых, мы оценили исходное положение в России и очертили диапазон, в котором могут развиваться события в рамках широкого набора вариантов политики: от инерционного развития или модернизации сверху до решительного рывка, прежде всего в области демократизации.

Во-вторых, *оба эти крайних варианта политики с высокой вероятностью ведут к дестабилизации и новым серьезным потрясениям.* Разница, пожалуй, в том, что при наиболее консервативном первом варианте должно будет, видимо, пройти гораздо больше времени, прежде чем произойдут изменения, способные привести к каким-то позитивным результатам, если их вообще еще можно будет получить. А кризисные явления, которых в этом случае следует ожидать в сопровождении спонтанной протестной мобилизации населения, будут сильнее. Объяснение простое: *правящая элита, ответственная за проводившуюся политику, к моменту дестабилизации будет находиться у власти и, по всей вероятности, станет сопротивляться.* Силы же, которые

могут прийти ей на смену, окажутся, скорее всего, случайными, ибо они не пройдут отбора и обкатки в хотя бы отчасти демократическом процессе.

Третий вывод основной и для меня несколько неожиданный. Я всегда считал, что Россия готова к демократии, нужно только побыстрее провести демократические реформы и самим лидерам реформ соблюдать введенные правила. Сейчас я прихожу к выводу, что *постепенное развитие в направлении модернизации и демократизации наиболее вероятно и предпочтительнее других вариантов политики*. Безусловно, движение по этому сценарию будет, надо ожидать, ужасной тяготиной: мелкие шажки, стычки, постоянные словесные баталии, очевидные поражения в отдельных сражениях, многократные переходы от эйфории к унынию и обратно. Это более длительный процесс, чем решительный рывок в случае его удачного исхода. Но в целом, с учетом распределения субъективных вероятностей на данном отрезке времени, это путь, наиболее надежно и с меньшими издержками ведущий к цели.

В качестве примера из отечественной истории приведу период между 1905 и 1913 годами: поражение революции, разгон I и II Государственной думы, успехи аграрной реформы, разочарования, убийство П.А. Столыпина. Такова ткань событий. И тем не менее на фоне подъема экономики с укоренением рыночных отношений постепенное усвоение и распространение либерально-демократических норм и ценностей представляются несомненными. И чем больше они укореняются, тем слабее влияние революционно-социалистического, радикального лагеря, а также консервативно-черносотенных сил. Не ввязись тогда Россия в Первую мировую войну — сейчас даже непонятно, ради чего, ведь трудно сегодня считать разумными мотивами захват проливов или защиту православных на Балканах, — ее история была бы совершенно другой.

И сегодня, смиряя эмоции, надо готовиться к длительной борьбе, компромиссам, недостаточно последовательным решениям, институциональным ловушкам, характерным для модернизации по сценарию постепенного развития. Однако критический период с введением минимума комплементарных институтов либеральной демократии и в этом случае придется пройти.

По сути, этот сценарий в статье «Россия, вперед!» поддержал Д. Медведев, возможно, по другим мотивам. Заверяю читателей, что я пришел к этому выводу самостоятельно. Постепенное развитие создает, пожалуй, наилучшие предпосылки для ответа на вы-

зовы, с которыми сталкивается страна, — посильные напряжения без чрезмерных потерь от внешних факторов. Но ответ на главный вызов может быть успешным только в том случае, если удастся *высвободить инициативу и энергию людей с помощью демократизации*, избавления от бюрократического произвола. Тем самым мы преодолеем культурный барьер, препятствующий повышению инновационного потенциала России до уровня развитых стран. Это, видимо, наш единственный шанс.

Сценарии на будущее

Сценарий I

Теперь посмотрим, чего мы можем добиться при разных сценариях. В качестве базового возьмем *инерционный сценарий*, он же — модернизация сверху (сценарий I), исходящий из того, что заметных институциональных изменений не будет. Именно этот сценарий реализуется сейчас.

Но по сравнению с периодом до кризиса 2008—2009 годов ситуация изменилась, быстро растущих цен на нефть и дешевых денег на перспективу не будет. Если цена на нефть все годы будет держаться выше 100—105 долл. за баррель и даже расти, при ее росте ниже темпов роста мировой экономики из-за энергосбережения цена на нефть не будет, как прежде, способствовать ускорению роста. Таково мнение специалистов. Никаких иных особо притягательных свойств российская экономика не демонстрирует: незащищенность прав собственности, коррупция, чиновный произвол, правовой нигилизм — все это сохраняется.

Прирост производительности на 5% ежегодно предполагает высокую деловую активность, за которой следуют инвестиции в необходимых объемах и с растущей эффективностью. Подчеркну: прежде деловая активность, благоприятный климат для бизнеса, а инвестиции и эффективность — следствия. У нас в 2002—2007 годах валовое накопление основного капитала было на уровне 18—20% ВВП при необходимых 25—30%. И эффективность, как правило, низкая. Ввод 1 кВт установленной мощности угольных электростанций у нас обходится в 2500 долл. против 1800 долл. в ЕС и 720 долл. в Китае. Один километр совершенного шоссе у нас стоит 10—15 млн долл. против 2—5 млн долл. в Австралии, Канаде и Швеции (см.: [Бессонов и др., 2009, с. 32]). Ощутимо улучшить эти показатели без институциональных изменений не удастся.

На какой рост при этих условиях мы можем рассчитывать? Реалистичные показатели — 1–2% роста на предстоящие 40 лет. Это значит, что к 2050 году душевой ВВП увеличится примерно вдвое (1,49–2,52 раза), до 26 тыс. долл., или примерно 32,5% от уровня технологической границы. Таков будет максимум для этого сценария (см. рис. 1).

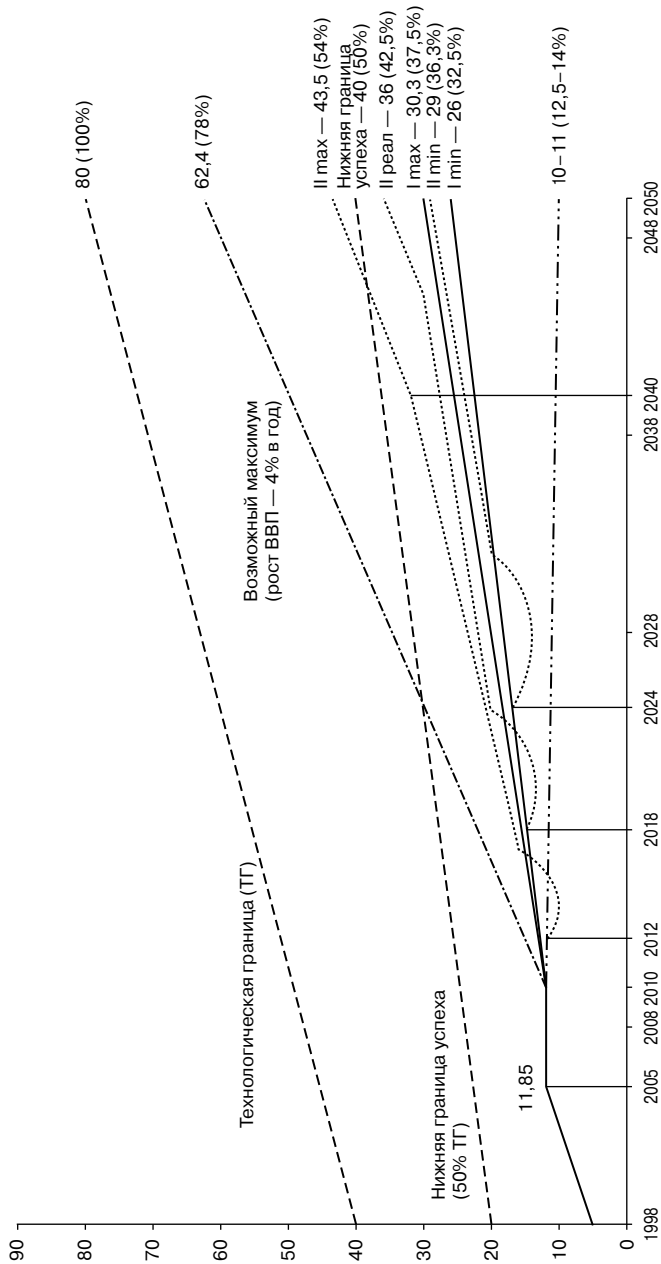
Более щедрое предположение — взять не середину, а верхнюю границу указанного диапазона, т.е. среднегодовой рост на 2%. Тогда к 2050 году выходим на душевой ВВП — 30,2 тыс. долл., или 40% от уровня технологической границы. Возьмем эти показатели как максимум.

Можно спросить: не мало ли и 2%, ведь в 2010 году ВВП вырос на 4%? Я думаю, увеличивать больше нельзя. Во-первых, в 2010 году произошел «отскок» после кризиса 2008–2009 годов. В этот период в экономику еще были вложены значительные финансовые ресурсы из резервов, накопленных ранее. Сказался также послекризисный рост сырьевых цен. Такой благоприятной конъюнктуры в будущем ожидать трудно. Во-вторых, речь идет о периоде в 40 лет, в течение которых сохраняется сценарий модернизации сверху. С годами от него следует ждать все меньше. Пусть осуществляются крупные проекты, финансируемые из государственных средств и принудительно привлеченных средств крупного бизнеса, именно эта модель действует сейчас. Она не сможет дать более высоких темпов в целом по стране. Эксперты скорее ожидают сползания к стагнации. Этот сценарий означает, что серьезная модернизация не получится, она будет идти примерно так же, как в 2004–2010 годах.

Сценарий II

Согласно сценарию II начиная с какого-то момента, например с 2018 года, в силу того или иного стечения обстоятельств движение по инерции переходит на траекторию *модернизации снизу с постепенным развитием* (кривая II). В принципе, переход может случиться в любое время.

В процессе движения по этой траектории происходят преобразования, в том числе входящие в пакет либеральной демократии, но на них затрачивается достаточно продолжительное время: подготовка, в частности общественного мнения, проведение самих преобразований и последующая адаптация. Предварительно проводятся наиболее существенные реформы в социальной сфере,

Рис. 1. Динамика душевого ВВП РФ при различных сценариях развития в сравнении с технологической границей

выше отнесенные к числу непопулярных. Это предполагает значительные институциональные инвестиции. Проводится также масштабная приватизация, и в итоге доля госсектора сокращается с 50 до 15–20%. Реформа местного самоуправления снижает уровень централизации.

По всем этим причинам переход на иную траекторию растягивается на 4–5 лет и, возможно, сопровождается некоторым спадом по сравнению с инерционной траекторией в среднем на 1% ВВП последнего года перед преобразованиями. Затем произведенные перемены начинают приносить позитивные результаты: повышается доверие бизнеса и населения к государству, усиливается деловая активность, растет приток иностранных инвестиций. Активизируются также граждане. В итоге темпы роста повышаются в среднем до 3% в год. К 2050 году душевой ВВП достигает примерно 36 тыс. долл., или 42,5% уровня технологической границы. Отложив старт реформ до 2024 года, при сходном сценарии мы имели бы к 2050 году около 29 тыс. долл. душевого ВВП, что не очень отличается от результатов инерционного сценария или модернизации сверху. Мы с умыслом усложнили варианты. Последний из них примем за минимум для сценария II.

Предположим теперь, что подготовка к реализации основного пакета мер начинается сразу после президентских выборов 2012 года. Это позволяет выиграть время. Позитивные результаты институциональных изменений сказываются раньше. Темпы в среднем держатся на уровне 3% в год, и в 2050 году мы достигаем 48–49% технологического уровня. При благоприятном развитии событий можно предположить, что в последние 10 лет развития по этому сценарию темпы поднимаются до 4% в год, что вполне ожидаемо, учитывая более продолжительную адаптацию общества к условиям демократической модернизации. Тогда к концу расчетного периода душевой ВВП достиг бы 43–44 тыс. долл., или 54% уровня технологической границы 2050 года.

Это было бы заметно ниже потенциального максимума, но все же означало бы превышение нижней границы успеха модернизации. Россия оказалась бы на пути, открытом для новых достижений в движении к технологической границе, уже в сообществе развитых стран, с ощущением, что на исторический вызов она смогла дать убедительный позитивный ответ.

Примем эти показатели за максимум для сценария II. А покажем 36 тыс. долл. душевого дохода (42,5% уровня технологической

границы), достигаемый при смене курса в 2018 году, с повышением темпов до 4% в год в последнее пятилетие, условимся считать реалистическим вариантом этого сценария.

Сценарий III

Теперь, чтобы картина была полной, нам нужно рассмотреть еще один сценарий.

Предположим, что в близкой перспективе произойдут неблагоприятные события, например снижение цен на нефть до 50–60 долл., и такие «низкие» цены будут держаться, как в прошлом цикле, 20 лет. Возможен отток капитала, который ощутимо снизит инвестиционный потенциал. Институциональные реформы не проводятся. Правящий режим, напротив, стремится не допустить дестабилизации посредством закручивания гаек. Или наоборот, обострение кризисных явлений приводит к власти радикалов, и они пытаются спасти ситуацию методом решительного рывка. И в том, и в другом случае возможны непредсказуемые последствия, сопровождающиеся каскадом кризисных явлений, когда предыдущая волна подталкивает следующую.

Если оглянуться назад, на развитие событий в России, скажем, с падения цен на нефть в 1986 году, то мы должны признать, что оно может интерпретироваться именно таким образом. Ведь подъем в 1999–2008 годах оказался по преимуществу только восстановительным ростом после трансформационного кризиса. В течение этого периода качественных изменений, которые должны были бы привести к масштабной модернизации, не случилось. И затем сразу снова начался кризис, исход которого неясен. За рубежом зачастую именно так и толкуют эволюцию России за последние 25–30 лет — как почти непрерывное падение: от сверхдержавы до развивающейся страны.

Я же убежден в том, что заряд возможностей, полученный от рыночных реформ, в России еще далеко не исчерпан и, если его дополнить демократическими институтами, можно придать обществу уверенность в том, что новая Россия, преодолевая культурный барьер, способна встать вровень с другими развитыми демократическими странами. Но для этого нужно, чтобы длительное время сохранялась стратегическая линия на модернизацию, на участие в ней как можно более широкого круга граждан. Прежние методы, с помощью которых в прошлом правители поднимали страну на дыбы, сейчас к успеху не приведут.

Не впадая в крайности, допустим, что *пессимистический* сценарий III предполагает поддержание душевого ВВП на нынешнем уровне или, в худшем случае, его снижение не более чем на 10% к 2050 году. Это означало бы всего 14–17% технологического уровня и невозможность преодолеть отставание никогда. В инновационную эпоху прежние факторы, обеспечивавшие конкурентные преимущества России в мировой расстановке сил, — многочисленное население, военное превосходство, богатые природные ресурсы, — в тех же масштабах работать не будут.

Часть II

Долгожданная неожиданность

Часть I этой работы в виде самостоятельного доклада фонда «Либеральная миссия» была подписана в печать 24 августа 2011 года. В ней использованы, как я отмечал, материалы двух заключительных глав второго издания моей книги «Приживется ли демократия в России», которая вышла из печати 16 января 2012 года. Понятно, что к ней я не имел доступа минимум два последних месяца 2011 года. В этих работах, как видел читатель, я исходил из того, что диапазон вариантов развития в России в значительной мере предопределен до 2050 года и что существенных колебаний после пережитых страной кризисных лет ждать не следует, особенно в начале этого периода. Казалось, что мы вползли в полосу политического и экономического застоя, из которого трудно будет выбраться. Намерения правящей элиты сохранять власть без каких-либо серьезных институциональных и структурных изменений того, что было ею для себя выстроено после 2003–2004 годов, сулили опасность нарастающего отставания. Об этом и было сказано в части I. Предупреждаю, я в нее никаких изменений не вносил и вносить не намерен.

8. Выборы 4 декабря и 4 марта

Но 4 декабря 2011 года состоялись парламентские выборы, которые принесли неожиданные результаты. Народ, о конформизме которого я с горечью писал, вдруг заявил о своем желании жить в демократической стране. Приношу извинения, каюсь. С превеликой радостью. Примерные оценки говорят о том, что большинство избирателей в этот раз проголосовало против «Единой России» — партии власти. То, что представители власти прибегли к незаконным методам убеждения избирателей и прямым фальсификациям выборов в большем, чем обычно, масштабе, на мой взгляд, имеет меньшее значение. К тому же в этот раз внимание граждан к выборам и честности их проведения было повышенным, так что скрыть масштабы злоупотреблений оказалось невозможно.

С участием известного политолога Д.Б. Орешкина был реализован проект «Гражданин наблюдатель». Он охватил в Москве

131 избирательный участок, — это 4% всех избирателей. Кроме того, наблюдателям были доступны данные по 245 участкам, оснащенным КОИБ (комплексами обработки избирательных бюллетеней), которые также сокращают возможности манипуляций, чего добивались и на 131 участке наблюдатели Орешкина.

Итоговые данные приведены в таблице 6 в сравнении с итоговыми официальными данными по Москве.

Таблица 6. Сравнение выборочных и общих официальных итогов думских выборов 4 декабря 2011 года по г. Москве на выборах

Территориальные избирательные комиссии (ТИК)	Явка, %	Партии, % от явившихся							
		Единая Россия	КПРФ	Справедливая Россия	ЛДПР	Яблоко	Патриоты России	Правое дело	Недействительны
Выборка «Гражданина наблюдателя» (131 участок)	54,3	30,3	23,6	16,2	11,9	13,2	—	—	2,1
Выборка с КОИБ (245 участков)	54,9	30,0	23,6	16,2	13,8	11,9	1,7	1,1	1,7
Официальные итоги по Москве, всего	61,7	46,6	19,4	12,1	9,4	8,6	1,3	0,8	1,7

Таблица 7. Разницы между официальными и выборочными данными по явке и доле партий в полученных голосах, %

ТИК	Явка	Доля партий				
		Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Эсеры	Яблоко
Официальные данные — «Гражданин наблюдатель»	+7,4	+16,3	-4,2	-4,6	-4,1	-2,5
Официальные данные — участки с КОИБ	+6,8	+16,6	-4,3	-4,4	-4,0	-3,4

Источник: [Орешкин, 2012, № 6].

В таблице 7 показаны разницы между объявленными и реально полученными (по выборкам) результатами. Мы видим, что по двум выборкам доля сторонников «Единой России» оказалась на 16,3 и 16,6% меньше официально объявленных результатов. На разницу влияет снижение доли других партий, а также завышение явки и отнесение ее полностью в пользу партии власти. Кроме того, по московскому же опросу Левада-Центра, проведенного 8–16 декабря 2011 года по репрезентативной выборке в 1000 человек, при погрешности не более 4,3% доля ЕдРа по выборке составила 32%, т.е. тоже на 15% меньше общих результатов [Левада, 2011]. В 15% оценил приписки ЕдРу и математик С. Шпилькин [Шпилькин, 2012]. Показано, что только у ЕдРа число поданных голосов в процессе выборов тесно коррелировало с явкой, у других партий такой связи не выявлено.

Конечно, Москва не вся Россия, выборки представительны, но все же такая смещенность может вызывать вопросы. Установить истину полностью нам, видимо, не удастся никогда. Однако имеющихся данных достаточно, чтобы сделать правильный вывод: да, партия власти проиграла парламентские выборы примерно со счетом 35 : 65%. На прошлых выборах в 2007 году она набрала 65%, а сейчас только официально потеряла 14%. Если ей и в 2007 году приписывали голоса в тех же масштабах, то все же 50% она тогда набрала. А сейчас — вчистую проиграла. Однако власти утвердили официальные данные с признанием ее победы: 50% голосов и абсолютное большинство мандатов.

Первая реакция была двоякой. Со стороны властей — некоторое ошеломление, хотя неприятности ожидалось, к ним готовились. На межрегиональной конференции «Единой России» в Екатеринбурге в конце июня 2011 года Путин на вопрос о том, чем он займется после президентских выборов, ответил фразой, которую теперь можно считать исторической: «Пойду умываться: и в гигиеническом смысле этого слова, и в политическом» (Newsland. 30.06.2011). Но такого, подозреваю, и он не ожидал.

Со стороны оппозиции — возбуждение и волна митингов: от Чистых прудов 5 декабря и Болотной 10 декабря до проспекта Сахарова 24 декабря и Якиманки снова с Болотной 4 февраля. Чистые пруды еще напоминали по агрессивности полиции и ОМОНа Триумфальную площадь 31 числа почти каждого месяца год назад, но другие митинги, собиравшие десятки тысяч людей впервые с начала 1990-х, выглядели иначе. Они собирали людей самых разных взглядов, на них можно было свободно выражать свои идеи, с

расчетом, конечно, на пределы терпимости других. Организация через Интернет. И полиция изменилась, она стала мирной. Были созданы организации оппозиции — Лига избирателей и Гражданское движение.

Казалось, результаты налицо.

Власти сделали важный шаг навстречу, рассчитывая снизить напряженность, а то и расколоть оппозицию, которая объединила все политические силы, отстраненные от власти монополией путинской элиты и «Единой России». 23 декабря президент Медведев выступил с Посланием к Федеральному Собранию, в котором содержались предложения о политической реформе в направлении демократизации. Конечно, все это было следствием 4 декабря.

Первая мысль, которая пришла мне в голову под влиянием волны общественной эйфории: я оскандалился со своими последними прогнозами, с концепцией азиатского конформизма русских и других народов России. Но с накоплением фактов и более основательным их осмыслением окрепло убеждение, что делать выводы рано.

4 марта состоялись президентские выборы. И хотя давно было ясно что Путин, по всей видимости, победит и вновь станет президентом России, когда это случилось, общество и оппозиция оказались к этому не готовы. То, что говорили и делали лидеры оппозиции, свидетельствовало об ошеломлении, примерно таком, как у представителей власти после 4 декабря. А власти торжествовали. Всем стало казаться, что президентские выборы как бы отменили выборы парламентские, загасили поднявшуюся было волну демократических надежд. Все вернулось на круги своя.

Путин получил 63,6% голосов, поданных 4 марта: меньше чем на своих выборах 2004 года (71%) и меньше, чем Медведев в 2008 году (70%). Но вполне достаточно, чтобы его победа была признана убедительной и легитимной. Были, конечно, и фальсификации, и подавляющее преимущество правительственного кандидата в медиапространстве, и доступность административного ресурса для властной иерархии, а также законодательство о выборах президента и подбор кандидатов.

После победы Путина у его противников можно наблюдать следующие основные виды реакции:

- во-первых, повторение для сохранения боевого духа прежних аргументов, пригодных в декабре-январе, но уже утративших большую часть силы. Можно спорить о легитимности трижды проведенных президентских выборов, но чтобы

именно эти выборы отменить, оснований нет. Упрямство оппонентов, склонных держаться за устаревшие доводы, работает против них;

- во-вторых, погружение в уныние: хотя шансов не было, многие надеялись на чудо. А когда оно не произошло, настроение испортилось. Заметим, реакции в основном из сферы эмоций. Это само по себе говорит о том, что пора подумать.

Неопределенность

Период между 4 декабря и 4 марта был временем неопределенности. Есть естественное предположение, что после президентских выборов неопределенность закончилась, все нити власти вновь в руках правящей элиты, и она будет далее управлять процессом, шаг за шагом сводя на нет влияние оппозиции. Противостоянию власти и оппозиции, которая подняла голову после 4 декабря, тем самым будет положен предел. Напомню, что это может быть похоже на процесс подавления демократических институтов в 2002–2005 годах: от разгона старого НТВ, суда над Ходорковским до принятия поправок в избирательное законодательство и отмены выборности губернаторов. Я еще напомню закон об экстремизме и преследование НКО. Это жесткая политика.

Такой вариант возможен, но само повторение того же пути должно навести на мысль, что при этом вряд ли удастся добиться того же результата. Одно дело, когда власть поддерживало большинство населения и была надежда на то, что жесткость позволит достичь успеха не только в укреплении позиций правящей элиты, но и в развитии экономики, в повышении удовлетворенности большинства общества. Но сейчас положение иное. Поддержка власти со стороны общества более не обеспечена. Общество скорее расколото.

Н. Зубаревич предлагает такую группировку российского населения: жители крупных городских агломераций — Россия-1; население средних и крупных городских промышленных городов с низкой конкурентоспособностью продукции по мировым стандартам — Россия-2 и Россия-3 — обширная сельская периферия, малые города и поселки. В России-1 люди более обеспеченны, мобильны и адекватны, кризисные явления они переживут легко. Россия-3 тоже: население вне политики и выживает «на земле», патриархальные ценности и стереотипы поведения устойчивы. Но Россия-2 не защищена от кризиса, ей требуется стабильная

работа и зарплата. Россия-1 жаждет перемен, она против Путина. Россия-2 — за стабильность, она готова поддержать его, до сих пор он ей помогал. Россия-3 безразлична, но легко манипулируема (Новая газета. 09.03.2012).

Оппозиция политически представляет Россию-1. На выборах 4 декабря против «Единой России» ее поддержали отчасти Россия-2 и Россия-3. Но затем, как считает Л. Радзиховский, митинги, отразившие прежде всего настроения России-1, вызвали отток симпатий от их порой слишком резких слоганов (Эхо Москвы. Особое мнение. 07.03.2012). Может быть, он и прав.

Еще одно соображение. В массе избирателей всегда есть «болото», легко поддающееся манипулированию. Сейчас разрыв между итогами Путина и «Единой России» — 30%. Они откатнулись от оппозиции к Путину по разным причинам. Может, важнейшей из них была личность Путина — символ стабильности, потянувший на себя России-2,3. Добавлю фактор национальных регионов, где сильны культурные отличия. Стабильность — это также главный интерес правящей элиты. Оппозиция осталась наедине с Россией-1.

Еще одно усложнение: предположение о монолитности выделенных групп, включая элиту, слишком сильное. Дело в том, что в элите отражаются интересы и взгляды всех групп. Там тоже есть группировки, считающие перемены неизбежными, равно как и противостоящие им сторонники сохранения в неприкосновенности только что выстроенной политической пирамиды.

В перспективе влияние горожан России-1 будет расти, они являются основными носителями знаний и культуры, все более важных в постиндустриальном обществе. Чтобы завоевать их поддержку хотя бы отчасти, правящая элита должна менять политику. Прошедшее время показало, что, хотя при Путине экономика и благосостояние росли, достигнуто это было отнюдь не посредством жесткости. Она в определенной степени усиливала недовольство в обществе из-за роста неравенства, коррупции, чиновничьего произвола, поскольку не препятствовала, а скорее способствовала этим явлениям.

Следует также учесть, что после декабрьских выборов легитимность законодательной власти стала очень сомнительной. Но несмотря на отличные результаты президентских выборов, хорошо зная методы, которыми эти результаты были получены, власти должны были проявлять озабоченность и по поводу легитимности исполнительной власти.

Результаты президентских выборов были предрешены, исход — ожидаем. Напротив, итоги парламентских выборов были неожиданны. И хотя поднятая ими митинговая волна должна была спастись, с большой вероятностью можно предположить, что любой более или менее значительный повод может ее вновь поднять. И будет поднимать всякий раз, когда такие поводы в нынешней обстановке будут появляться.

Все это должно заставлять правящую элиту вести осторожную внутреннюю политику, предполагающую хотя бы уже объявленные шаги к демократизации и какие-то отношения с оппозицией, включая переговоры и институционализацию некоторых ее частей.

Со стороны оппозиции также проявилось понимание возникшей неопределенности. Обостренное восприятие свободы собраний и ассоциаций сразу после 4 декабря позднее было дополнено угрозой репрессий, о чем напомнили вновь начавшиеся преследования (сначала, скорее, намеки) некоторых СМИ (дела Таисии Осиповой и Алексея Козлова). Еще более важным для оппозиции должно было стать ощущение, что начальная массовая поддержка антиправительственных акций, отмеченная в основном в Москве, могла угаснуть. Развитие протестного движения за честные выборы требовало новых тем, новых форм, которые были бы способны поддерживать остроту внимания общественности, привлекать новых сторонников. Что именно следует делать, было неясно.

Выборы 4 декабря обозначили основные силы на политической арене: правящая элита и оппозиция, включая парламентские партии и внепарламентские организации. Характер взаимоотношений между ними могут далее определять, грубо говоря, две политики — *противостояние* или *переговоры*, с компромиссами и уступками, и разные сочетания этих форм.

Противостояние

Есть по крайней мере два вопроса, по которым сближение позиций и договоренности кажутся невозможными.

Первый. Оппозиция считает, что власть нелегитимна. Масштабные фальсификации выборов поставили ее вне закона. Сверху советуют разбираться с каждым случаем. Это невозможно по объему и связано с обвинениями тысяч председателей избирательных комиссий, которых толкали на фальсификации вышестоящие начальники или их помощники.

Власть, естественно, не может признать подобную интерпретацию событий. И ни при каких обстоятельствах не согласится с мнением оппозиции.

Второй вопрос. Оппозиция требует признания парламентских выборов и их результатов незаконными и проведения новых выборов.

Власть и с этим ни под каким видом согласиться не может.

Если для дискуссии выдвигаются эти два вопроса, то достижение договоренностей невозможно. Это и есть противостояние, которое способно перерасти в масштабную дестабилизацию или репрессивные действия властей.

Каждая сторона хочет добиться полной победы. И если бы это случилось, она уже сегодня знает, что сказала бы другой стороне. Но полная победа труднодостижима и связана с большими рисками. Для оппозиции это вполне очевидно: власть после 4 марта может почти все. Но и для правящей элиты есть серьезные риски излишне жесткой политики. Настроения упорного противостояния властям усилились после 4 декабря и утихомирить их, как прежде, вряд ли удастся. В России люди выражают свое мнение не только голосованием, митингами и забастовками, но также воровством и саботажем, с которыми трудней справиться. А ведь власти еще нужно думать о росте экономики.

Два сценария для экономики

Рассмотрим для новых условий два сценария (две пары), тех же, что показаны в части I: модернизация «сверху» (авторитарная) и постепенное развитие, начинаемое некоторой либерализацией. Модернизация «сверху» полностью соответствует жесткой линии во внутренней политике, но в сложившихся обстоятельствах совершенно непригодна для решения тех задач, которые стоят перед экономикой. Даже более непригодна, чем казалось летом 2011 года: повышение деловой активности — единственный фактор, сулящий надежду на успех, — в этом сценарии работать не будет.

К описанию этого сценария из части I я добавлю характеристику, данную недавно нашей экономике постоянным представителем МВФ в России Одлом Пер Брекком: «Высокий ненефтяной дефицит бюджета (дефицит без нефтяных доходов, который в 2011 году достиг 10% ВВП), относительно высокая инфляция, зависимость от нефтяных цен, неподъемные госрасходы, гибнущая

пенсионная система. При таком сценарии страна получит в среднесрочной перспективе вялый экономический рост — в пределах 3,5–4%» (Независимая газета. 27–28.01.2012).

По сути то же, что в нашем сценарии I, только с темпами роста Одд Пер Брекк хватил лишку. Его контора — МВФ снизила прогноз роста экономики РФ на 2012 год с 4,1 до 3,3%. А дальше что будет? Мировой кризис пока не унимается, и виды на подъем у нас при этом сценарии не просматриваются.

Сценарий II для экономики: при том же политическом курсе осуществляется относительно либеральный маневр. Его характер можно понять из статей Путина, опубликованных как его программа накануне выборов. Назову основные наиболее важные пункты, как они мне представляются.

1. Снизить участие государства в экономике и масштабы государственного регулирования. Госкапитализм отменяется.
2. Приватизация, которая носит не фискальный, а структурный характер.
3. Сформировать благоприятный инвестиционный климат, создав тем самым условия для повышения деловой активности, изменив для этого стиль работы силовых структур. Этот пункт особенно важен.
4. Конкуренция. Путин не раскрывает эту тему, но, говоря об инновациях, он справедливо замечает, что спрос на инновации создает конкуренция. Расчистка поля для честной конкуренции — почти то же, что честные выборы.
5. Снизить инфляцию, сделав выгодными и положительными в реальном исчислении накопления, и доступными кредиты, и условия нормального функционирования пенсионной системы.

Изложено тезисно и неполно. Отсылаю к первоисточнику (Ведомости. 30.01.2012).

В целом неплохо, для экономистов убедительно. Как будет реагировать широкая публика — сказать трудно. Этот экономический сценарий с либеральным поворотом по содержанию отвечает требованиям экономики и более похож на сценарий II из части I. Он, несомненно, улучшил бы ситуацию, правда, за довольно продолжительные сроки. Но все названные пункты были в программе Грефа, подготовленной по заданию президента в 2000 году. С тех пор роль государства в экономике возросла, объем национализации превышал объем приватизации. В экономике нет равных условий конкуренции. Инфляция снижалась недостаточно, толь-

ко в последний год она приблизилась к уровню, отвечающему требованиям нормального развития экономики. И отдельно о пункте третьем: об улучшении делового климата говорилось все эти годы, но сейчас он не лучше, чем 12 лет назад. Что касается работы в этом плане силовых структур, правоохранительных органов, то об этом в то время не было и речи. Тогда проблемой были бандиты, «крыши» и то, что милиция плохо с ними борется. Сейчас же силовые органы, по признанию лидеров страны, должны перестраивать свою работу, чтобы не ухудшать инвестиционный климат. Выходит, это новая проблема, которой прежде вовсе не было или она представлялась незначимой.

Другой вопрос — возможность реализации этого сценария без смены политического курса. Я считаю, что без серьезной демократизации, хотя бы на уровне предложений Медведева с учетом замечаний оппозиции, этот сценарий вообще не пойдет. Он не вызовет доверия бизнеса и общества. А нужен общественный подъем.

Все это внушает сомнение в том, что и данный сценарий экономической политики при ожидаемом после президентских выборов внутривнутриполитическом курсе будет успешно развиваться.

Вместе с тем институциональная модернизация на пути либеральных реформ была бы весьма благоприятна для экономики при иных вариантах политики. Ее могут поддержать и бизнес, и многие партии как долгосрочную стратегию, допускающую национальный консенсус при допустимых вариациях. Скорее всего, однако, либо этот сценарий не доведут до конца, как было с программой Грефа, либо сменится внутренняя политика.

9. Переговоры, компромиссы и уступки. Постепенное развитие?

Таким образом, противостояние до упора вероятнее всего приведет к победе правящей элиты, но с дальнейшими весьма сомнительными перспективами, худшие последствия которых я даже не хочу описывать. Поражение оппозиции будет крайне вредным для общественного настроения, которое воспряло было после 4 декабря и внушало надежды на подъем гражданской активности.

Есть еще один выход, который позволяет уйти от крайностей, дает возможность каждой стороне сохранить лицо, даже если ее противники настроены к ней критически и настороженно. Путин не видит, с кем вести переговоры. Это крайность. Организаторы

митингов требуют разоблачения партии жуликов и воров и немедленного проведения новых думских выборов. Это тоже крайность. Еще один выход — договориться. Принципиально важно определить тематику, в рамках которой можно находить согласие.

Доводы «за»

Власть предрержащие опасаются переговоров, не хотят делиться властью, потому что боятся утраты авторитета и страха оппонентов перед их силой, а также возбуждения толпы, когда окажется невозможно остановить насилие. Им есть что терять. Они хотят стабильности.

Оппозиция хочет справедливости и власти. Но объективно разные ее отряды с разными целями стремятся к демократизации. Эта задача заставляет их держаться вместе, добиваясь общими усилиями участия в выборах или увеличения своего представительства в Думе, большей надежности положения перед лицом возможных перемен.

Итак, демократизация в условиях стабильности. Пришло время в ином контексте напомнить о декабрьском Послании президента Медведева к Федеральному Собранию с предложениями о политической реформе, направленной на демократизацию. Я не знаю всех мотивов, которые двигали Медведевым, не знаю отношения к его предложениям ныне избранного президента, даже после публикации статьи на эту тему. Может быть, этот проект был вброшен после 4 декабря, чтобы снять напряжение, показать заинтересованность в переменах, проложить дорожку взаимопонимания к обществу. Но факт остается фактом: шаг со стороны власти сделан. Надо бы оппозиции сделать свой шаг. В проекте Медведева содержатся предложения отменить практически все новации, внесенные в партийное и избирательное законодательство в 2004–2005 годах. Стало быть, принятие этих предложений создает условия для того, чтобы на новых выборах изменить партийный и персональный состав Государственной Думы, сократить, а потом, возможно, и ликвидировать ее зависимость от исполнительной власти, во всяком случае увеличить представительство в Думе сторонников демократии.

При этом каждый делает шаг навстречу, сохраняя принципиальные позиции, но давая возможность оппоненту-партнеру так же вести переговоры, идти на компромиссы. В то же время стороны непрерывно оказывают друг на друга давление, принуждая

к новым компромиссам. Так, предложение оппозиции в законе о партиях либо увеличить минимальное число членов, либо разрешить блоки не встретило понимания. Что ж, понятно, почему. Нужно настаивать! Что ж, это тоже постепенное развитие? Переговоры с целью демократизации в условиях стабильности крайне трудны, но создают наилучшие условия для экономики, для варианта демократической модернизации.

Примеры из истории

История дает много примеров развития демократии именно таким образом. В Великобритании после Славной революции 1688 года был, разумеется, парламент, который не позволил возвращенному королю вернуть еще и власть. Но члены парламента, по сути, не избирались, они выдвигались местными элитами. Еще в 1760 году существовали названия партий, но самих партий не было. Право избирать и быть избранным было связано с собственностью. В 1830 году партии и выборы уже были, но не повсеместно. В это время шла отчаянная борьба за демократическое представительство: до 1832 года крупные промышленные центры Бирмингем, Манчестер, Лидс не имели представителей в парламенте [Норт и др., 2011, с. 359–361]. Промышленная революция сопровождалась народным недовольством, включая восстание луддитов в 1811–1816 годах, бунты в Спа-Филдс и другие [Acemoglu, Robinson, 2006, p. 20]. Демократизация выглядела как сражение между богатыми и бедными. Накануне первой избирательной реформы 1832 года один из лидеров британских консерваторов в XIX веке виконт Крэйнборн писал, что борьба за реформы это битва «...не партий, но классов, и часть великой политической борьбы нашего века — борьбы между собственностью... и всего лишь численностью» [Ibid., p. 48]. Д. Норт и его коллеги, напротив, обращают внимание прежде всего на борьбу внутриэлитных группировок за политическое влияние, в частности посредством перераспределения мест в парламенте. Тогда же впервые была введена регистрация электората [Норт и др., 2011, с. 361]. Позднее тори под руководством Дизраэли содействовали снижению избирательного ценза, чтобы увеличить число малообразованных и консервативно настроенных избирателей и тем самым получить преимущество перед городскими либералами. А в 1928 году в Великобритании ввели всеобщее избирательное право. Почти 100 лет демократизации, шаг за шагом — без отступлений, отмечают Асе-моглу и Робинсон.

Другой пример из Франции. Революция 1789 года застала страну практически без институтов представительства и выборов. Это все предстояло создать. На протяжении XIX века шли эксперименты с разными конституционными формами правления, комбинациями законодательной и исполнительной власти. С 1789 по 1875 год у Франции было 11 конституций. Лишь некоторые продемонстрировали стабильность. Партии появились позднее, но роялисты и бонапартисты конкурировали в парламентах разных типов с республиканцами. Вместе они представляли консервативную и либеральную, даже леволиберальную части политического спектра. Обе были элитарны.

До революции 1848 года право голоса предоставлялось очень ограниченно, однако в ходе нее республиканцы предоставили его всем взрослым мужчинам. В 1848 году республиканцы надеялись привязать к себе народную поддержку, однако результат оказался неожиданным. Из 900 мест в Ассамблее только 70–80 выиграла левая, 300 мест получили умеренные сельские республиканцы, которые таковыми были лишь по названию. Остальные оказались противниками. Кроме того, в Ассамблею был избран Луи Наполеон Бонапарт. В конце года на повторных выборах он получил 5,5 млн голосов из 7 млн избирателей. Консервативная реакция? «То было не просто ностальгическое голосование за известное имя, это была крестьянская революция против всего политического класса» [Tombs, 1996, p. 386; цит. по: Норт и др., 2011, с. 373]. После радикальной революции — консервативная политика: ограничения на прессу, восстановление влияния религии в школе, урезание избирательных прав до одной трети.

Но в 1851 году Бонапарт обратился к Ассамблее с призывом восстановить всеобщее избирательное право — не по той ли причине, по какой позднее аналогично действовали Дизраэли в Великобритании и Бисмарк в Германии, беря пример с Бонапарта? На консерватизм малообразованных сельских жителей нашелся спрос.

А 2 декабря того же года Бонапарт произвел государственный переворот. Плебисцит 21 ноября 1852 года реставрировал империю.

Вопрос к читателям: вам все это ничего не напоминает?

Тем не менее в 70–80-х годах XIX века во Франции прекратились преследования политических партий и появилась нормальная политическая конкуренция. В 1881 году были приняты законы о свободе печати и собраний. То, что в конечном итоге ни одна из фракций не смогла монополизировать использование законов

и других институтов, привело всех их к согласию на соблюдение правил, сделавших демократию устойчивым и работоспособным механизмом.

Асемоглу и Робинсон приводят примеры еще ряда стран, один из которых важен для сравнения с Россией. Я имею в виду Аргентину, которая за 200 лет, если считать с 1810 года — года провозглашения ее независимости — так и не смогла до последнего времени создать устойчивый демократический режим. При этом Аргентина населена почти исключительно потомками европейцев, так что расово-культурный фактор из объяснений исключается.

Авторы отмечают, что демократическая по форме политическая система была создана президентом Б. Митре еще в 1853 году, но с самого начала господствующие консервативные группировки, представлявшие олигархию сельскохозяйственных экспортеров, — а они контролировали основу аргентинской экономики, — постоянно манипулировали демократическими институтами. Другая особенность Аргентины — активные военные, традиционно привыкшие к занятиям политикой.

Усиление недовольства произволом и манипуляциями консерваторов привело к созданию и усилению радикальной партии, которая в 1916 году впервые пришла к власти. Единую сильную консервативную партию в Аргентине создать не удалось, прежние элиты все более теряли свои позиции. Поэтому в 1930 году радикалов сверг военный переворот, в элитах демократию стали считать деструктивной, так как она мешала экспорту сельскохозяйственной продукции. Военные отдали власть консерваторам, а те вернулись к махинациям, раздражавшим публику. Итог — новый переворот 1943 года. В составе военной хунты появляется фигура Хуана Перона, которому долгие годы предстояло играть ключевые роли в аргентинской политике. В 1946 году он избран президентом и осуществляет поворот в сторону рабочих, протекционизма и импортозамещения. Создается политическая машина для государственного контроля над рабочим движением.

После отстранения Перона переворотом 1955 года последовала череда военных переворотов, восстаний, малоавторитетных гражданских правительств, соперничающих за внимание военных, которая продолжалась вплоть до войны за Фольклендские (Мальвинские) острова в 1982 году. Она продемонстрировала все негативные последствия игнорирования демократических норм

или злоупотребления ими. Попыток договориться почти не было. Победить! Это опыт для тех, кто сейчас переживает процесс демократизации [Acemoglu, Robinson, 2006, p. 23–27].

План демократизации

Я позволю себе вернуться к нашим делам и изложить план демократизации для нас. Он опирается на результаты последних выборов и предложения Медведева по политической реформе. В его основе — идея постепенного развития, реализуемая через переговоры, взаимные компромиссы и уступки взамен противостояния.

1. Оппозиции — поддержать предложения Д.А. Медведева по политической реформе, в первую очередь те, которые направлены на демократическую трансформацию партийного и избирательного законодательства.

Как первый шаг они самые важные. После них можно обсуждать в Думе вопросы, решение которых невозможно или бессмысленно при ее сегодняшней послушности. Я исхожу из того, что в правительственном лагере эти предложения поддерживаются по определению. Стало быть, стороны, которые по другим вопросам находятся в противостоянии, по предложениям Медведева могут вступить в переговоры относительно их содержания, редакции, последующего принятия.

Таким образом, я считаю целесообразным, чтобы оппозиция, включая внепарламентскую, легитимизированную 4-м декабря и последующими массовыми митингами в поддержку честных выборов, не просто поддержала предложения Медведева, но подняла бы их на щит. Она должна активно включиться в работу над новым партийным и избирательным законодательством, добиваясь того, чтобы свести к минимуму крючки и зацепки, которые позволяли бы власти и в будущем, манипулируя ими, добиваться на выборах только тех результатов, которые ее устраивают. В итоге следует добиться ощутимых позитивных изменений в составе и представительстве партий, участвующих в думских выборах, и в составе самой Думы.

2. Для участия в переговорах, учитывая общую заинтересованность всех оппозиционных сил в развитии демократии, считал бы важным укрепление Гражданского движения и учреждение Круглого стола как органа общих дискуссий и решений, включая представительство Гражданского движения в переговорах, создание рабочих органов для подготов-

ки замечаний и предложений по разрабатываемым законопроектам. Тогда Правительству и нынешней Госдуме будет с кем вести переговоры, и это должен быть серьезный центр силы, с которой придется считаться. Дело не в моих симпатиях к оппозиции, не все ее отряды мне симпатичны, но важно учесть нелегитимность нынешней Думы и готовить более полную представительность новой.

3. Государственная Дума, избранная 4 декабря 2012 года, принимает новые законы:
  - о выборах руководителей субъектов Российской Федерации прямым голосованием жителей регионов;
  - о введении упрощенного порядка регистрации политических партий;
  - об отмене необходимости собирать подписи для участия в выборах в Государственную Думу и в региональные законодательные органы;
  - об изменении порядка выборов в Государственную Думу, в том числе с избранием конкретных депутатов от избирательных округов;
  - об изменении порядка формирования Центральной и региональных избирательных комиссий, имея в виду обеспечение независимости их работы от всех органов власти и отдельных политических партий.
4. После принятия этого законодательства под давлением оппозиции, накапливающей силы для политической борьбы, проводятся новые внеочередные выборы в Государственную Думу. Это связано с необходимостью повышения легитимности парламента, а главное — продолжения его законотворческой и контрольной деятельности в более представительном составе. Выборам предшествует формирование и регистрация партий в соответствии с новыми правовыми нормами, а также реорганизация избирательных комиссий.
5. Вновь избранная Государственная Дума, если позволит ее более представительный состав, принимает решения о дальнейшем плане законодательных работ, включая внесение изменений в Конституцию Российской Федерации, обеспечивающих ее последовательно демократический характер, а также изменение порядка выборов Президента Российской Федерации, если в новой конституции будет предусмотрен такой пост или существенно изменены его полномочия.

Вопрос об изменениях в Конституции и выборе форм верховной власти относится к числу наиболее сложных и спорных. Уже поэтому его следует отложить по крайней мере на вторую очередь демократических преобразований. Главная задача — отделаться от традиции самодержавия, которая ныне стала для России губительной. Не углубляясь в дискуссию, замечу только, что парламентская республика с правительством, ответственным перед Госдумой, не дает стопроцентной уверенности: при обеспечении прочного большинства за правящей партией глава правительства может оставаться лидером столько сроков, сколько захочет, а для этого нужно только овладеть техникой манипулирования выборами. Опыт имеется.

В предложениях Л. Шевцовой, И. Клямкина и М. Краснова (Новая газета. 09.01.2012) учтены многие нюансы, но все же остается ощущение излишней для нас тонкости, вплоть до ломкости: ограничения полномочий президента в российской практике легко обойти, если создается соответствующая институциональная подпочва. Позволит ли она выдержать незрелость нашей политической культуры? Надо также учесть, что изменения в Конституции будут, видимо, обсуждаться при президенте, облеченном всей полнотой нынешних полномочий.

Хочу напомнить о том, что в части I этой работы я писал о проблеме легитимности при реализации варианта «решительный рывок» и необходимости в первую очередь провести через парламент изменения в партийном и избирательном законодательстве. Тогда это представлялось крайне трудной задачей. Новая ситуация и инициатива Медведева существенно облегчают ее решение, позволяя вместе с тем отложить на время вопросы, которые, видимо, будут вызывать труднопреодолимые разногласия.

Перечисленные выше пять пунктов вряд ли будут легко приняты. И не должны быть. Но я думаю, что если это случится, то они составят значимый шаг России к демократии. Он станет возможным благодаря итогам выборов 4 декабря и инициативам Д.А. Медведева. Хочу это особо подчеркнуть, поскольку оба события представляют шаги двух сторон навстречу, позволяющие избежать противостояния. Если все это удастся, то у нас не будет необходимости в варианте «решительный рывок», который в прежних условиях, зафиксированных в части I этой работы, был связан, как отмечалось, с немалыми рисками.

Нет никаких гарантий. Но возьму на себя смелость сказать: если мы реализуем что-то близкое к предложенному плану демо-

кратизации, то по результатам мы можем получить в сглаженном виде «решительный рывок» к демократии. Это будет достижение более важное, чем итог президентских выборов. Не считайте меня беспочвенным оптимистом, но, во-первых, надежда нуждается в якорю. Во-вторых, это только начало сложной работы по демократизации и модернизации.

10. Как выращиваются институты

Хочу вернуться к французскому опыту. Напомню, что к началу революции 1789 года во Франции почти не было практики представительства и выборов. Становление соответствующих институтов только началось с момента революции, и процесс демократизации продолжался более 100 лет. В течение этого времени острейшая конкуренция между элитными группами сопровождалась использованием законов для ограничения деятельности оппозиционной прессы и свободы собраний, манипулированием выборами, чтобы политические противники не могли получить власть. Возникали и случаи насилия, но они редко были следствием внутриэлитных разборок, скорее — выражением недовольства более широких слоев, лишь отчасти возбуждаемого политическими конфликтами.

Тем не менее авторы [Норт и др., 2011, с. 374–375] отмечают, что в таком процессе ни одна фракция не могла получить постоянного преимущества. Во Франции уважали идею представительного законодательного органа, в котором фракции имели возможность не только конкурировать, но и искать согласия, сотрудничать. Была традиционно сильная карьерная бюрократия, не лишенная профессиональных знаний и определенных нравственных принципов. Имела место и самоорганизация элит, выходящая за пределы государственных институтов. В итоге временно проигравшие во Франции не оставались без всякой институциональной и организационной поддержки.

Можно утверждать, что в России ныне дело обстоит существенно иначе. Сходство лишь в том, что к 1989 году у нас в плане демократических институтов не было почти ничего, как у французов в 1789 году. В силу советской тоталитарной традиции даже при рыночной экономике в последние 10 лет власти неизменно находили способы «наезжать» на независимых предпринимателей, склонных поддержать оппозицию деньгами. То же касается и СМИ, за редким исключением оставляющих властям возможности формировать на-

строения и мнения большинства. Просто удивительно, но очевидный миф о заговоре Госдепа США против России пользовался поддержкой у рабочих Урала, делегированных на митинг в поддержку Путина 23 февраля 2012 года. По другим вопросам, например о «халвяной» поездке в Москву те же люди придерживались вполне здравых суждений (Газета.ру. 23.02.2012). Наша культура сегодня ниже, чем во Франции второй половины XIX века.

Сейчас я хочу подчеркнуть, что и после успеха первых шагов демократизации вследствие избрания новой Думы по новым законам придется дальше заниматься выращиванием все более сложных институтов. Демократия — это институты.

В части I я приводил четыре примера, которые напоминали не строительство, не выращивание, а чаще всего борьбу. Приведу еще три примера, существенных для безотлагательной работы.

Независимость суда и ЕГЭ

Выдвигая план демократизации и предупреждая возникновение иллюзий, я хочу разъяснить свое видение характера предстоящих институциональных изменений.

Упрощенный план демократизации опирался на распространившуюся потребность широких слоев избирателей в уважении их достоинства и прав, а также на готовность по крайней мере части правящей элиты сделать шаг навстречу. Отсюда — сравнительная простота этого шага. Далее задачи усложняются. Другие необходимые институциональные изменения реализовать труднее, они будут вызывать иные противоречия в обществе, и в первую очередь во внутриэлитных группах.

Институты обычно не строятся по единому плану или замыслу. Они выращиваются, культивируются в течение ряда поколений. Те, кто начинал, могут не увидеть результата. Те, кто потом будет пользоваться результатом, в большинстве не будут знать, кто и ради чего начинал, какие баталии развертывались вокруг поразившей их проблемы и политики ее решения. Я считаю нужным сказать об этом, чтобы разъяснить свое мнение о трудностях, которые нам еще предстоят.

Вернусь к ЕГЭ, о котором выше уже шла речь. В начале 2012 года я попал в больницу, где перенес операцию. Там ко мне подошла женщина, узнавшая меня, и в лоб задала вопрос: скоро ли отменят ЕГЭ? Видимо, она решила, что теперь в связи с новыми демократическими веяниями будут отменять все, что внедрялось

в первые правления Путина (включая президентство Медведева). Я ответил: никогда! Потом, в песне ветеранов-десантников, направленной против Путина, я вновь услышал народное требование — убрать ЕГЭ.

Если спрашивать российских граждан, поддерживают ли они независимость суда, я думаю, большинство из них, не сомневаясь, ответят «да». Они справедливо полагают, что у нас независимость суда не обеспечена, поскольку это противоречит интересам власти и богатых. Но если их же спросить, поддерживают ли они ЕГЭ, то большинство, видимо, ответит «нет». Почему?

Между тем независимость суда, который призван руководствоваться только законом, но не взятками богатых, указаниями властей или пожеланиями влиятельных знакомых, и ЕГЭ как отечественный вариант общепризнанного единого независимого национального тестирования знаний выпускников средних школ — это *по сути одно и то же*: правило, признанное в обществе в большинстве случаев как более обоснованное, вместо мнения, своего или чужого, а также мотиваций, которые без должных оснований отдают привилегию одним в ущерб другим. Разница в том, что в нашей ситуации введение ЕГЭ поддерживается государством и встречается в штыки значительной частью общества, тогда как независимость суда формально поддерживается государством, на деле же бюрократия заинтересована и традиционно старается сохранить инструменты давления на решения судей.

Особенность переживаемого нами периода прежде всего состоит в том, что общепризнанное правило или норма, применяемая ко всем безлично и объективно, у нас пока является инновацией, зачастую скопированной и формально применяемой моделью, которая приживается обычно с большим трудом. Преобладает институциональная система более ранней эпохи, в которой параллельно действуют несколько факторов. Во-первых, персональные распоряжения правящей элиты или законы, принятые ею в собственных интересах. Во-вторых, акты купли-продажи, применяемые к административно-правовым решениям как к обмену товаров, а это и есть взятки, коррупционные сделки; они распространились с расцветом рыночной экономики, опережая право. В-третьих, обычаи, традиционные нормы, сложившиеся прежде в архаичной социальной среде, также влияют на жизнь. Можно присовокупить и четвертый элемент — те самые безличные правовые нормы, институциональные инновации. Но надо понимать, что пока при противодействии остальных форм

описанного социального порядка не заработает более или менее независимая и действенная судебная система, подтверждающая эти нормы в своей практике, у них мало шансов достичь нужного масштаба распространения.

Процесс развития культуры, как мы видели, состоит в том, что кооперативное поведение выгодно всем, но в каждый конкретный момент каким-то субъектам предпочтительны их частные и сиюминутные интересы. Преследуя их, они вызывают недоверие и противодействие других субъектов, тормозя извлечение выгод, свойственных кооперативному поведению [Maskin, 2010].

Мы привыкли к старым порядкам. В случае с ЕГЭ это значит, что, возможно, не А. Фурсенко придумал плохие темы и тесты, а мы сами боимся проиграть от справедливой оценки наших отпрысков и еще больше от прыти своих конкурентов, которые ищут доступ к несправедливым привилегиям. Точно так же люди, обладающие властью или богатством, боятся независимого суда и судей, которые судили бы только по закону и справедливости, поскольку это тоже означало бы для них утрату неких привилегий. Но при этом они и сами подвергаются рискам со стороны других элитных группировок и должны думать о том, что безличные объективные правила в конечном счете выгодны и для них. Вспомним известное дело «Трех китов», хрестоматийное для объяснений подобных ситуаций. В нем понесли потери все участники событий. Впрочем не все: председатель Мосгорсуда Ольга Егорова, в начале 2012 года снова напомнившая о себе (в частности, о своем участии в том же деле «Трех китов»), после исчерпывающего доклада Т.Г. Морщаковой в Президентском совете по правам человека и гражданскому обществу выступила с оправданиями по поводу очевидно незаконного судебного решения по второму процессу М. Ходорковского и П. Лебедева. Говорят, у нее всесильная рука в самых высших сферах. На днях Мосгорсуд подтвердил старое решение о запрете регистрации партии ПАРНАС — самой сильной, по-видимому, из оппозиции.

Экономика, бизнес и «главное орудие власти»

Но главная проблема состоит в том, что сама по себе судебная реформа серьезных результатов не даст. Суть дела такова, что в нынешних условиях и на ближайшие 15–20 лет рост экономики может обеспечиваться в основном за счет высокой деловой активности, конкуренции и соответственно повышения организован-

ности и инициативы бизнеса. Бизнес же, как было показано выше, сейчас испытывает давление со стороны государства и бюрократического аппарата, прежде всего силового, и в этих условиях выкладываться не будет. Сегодня я могу пригласить в свидетели такого авторитетного человека, как В. Путин. В «Ведомостях» от 30 января 2012 года в ряду своих программных предвыборных статей он опубликовал статью «О наших экономических задачах». По поднятому выше вопросу в ней сказано следующее:

«...Деловой климат в стране, ее привлекательность для долгосрочного помещения капиталов все еще являются неудовлетворительными. За последние несколько лет по инициативе президента Медведева мы начали целый ряд реформ, направленных на улучшение делового климата. Но заметных сдвигов пока не произошло... дело не в налоговом режиме — он у нас в целом конкурентоспособный — и не в отсутствии законодательства, отвечающего современным требованиям... Главная проблема — недостаток прозрачности и подконтрольности обществу в работе представителей государства, от таможенных и налоговых служб до судебной и правоохранительной системы. Если называть вещи своими именами, — пишет Путин, — речь идет о системной коррупции. Издержки для бизнеса могут колебаться — ты можешь заплатить больше или меньше в зависимости от степени “расположения” к тебе определенных людей внутри государственного механизма. Рациональное поведение для предпринимателя в этом случае — не соблюдать закон, а найти покровителей, договориться. Но такой “договорившийся” бизнес в свою очередь будет пытаться подавлять конкурентов, расчищать себе место на рынке, используя возможности аффилированных чиновников... вместо того чтобы повышать экономическую эффективность своих предприятий».

Спрашивается: в такой обстановке, если не рассчитывать на природную ренту, можно ожидать экономического роста, повышения производительности, да еще и с опережением конкурентов, т.е. модернизации? И далее:

«Расчистить поле для бизнеса, который готов побеждать в честной конкуренции, — это фундаментальная, системная задача... Мы должны изменить само государство, исполнительную и судебную власть в России. Демонтировать обвинительную связку правоохранительных, следственных, прокурорских и судебных органов (эта цепочка не один раз появляется в рассуждениях автора, в ней дело. — *Е.Я.*). Исключить из уголовного законодательства все ру-

дименты советского правосознания, все зацепки, которые позволяют делать из хозяйственного спора уголовное дело на одного из участников».

Прошу прощения за длинную цитату. Но уж больно хорошо она разъясняет стержневую проблему современной российской экономики. Связь разных звеньев «главного орудия власти» (так я назвал в своей книге главу о силовых структурах, в списке Путина не хватает только спецслужб) с государством и бизнесом. В цепи просматривается и корыстный интерес, и безнаказанность, предоставляемая как награда за лояльность, и готовность поддерживать друг друга, предьявлять обвинения невиновным, чтобы спасти престиж, и право далее творить произвол.

Я позволю себе сослаться на разделы в части I этой работы, где развиваются те же мысли, дополненные некоторыми выводами. Здесь же для нас важно подчеркнуть свойственные порядку ограниченного доступа неформальные, персонализированные связи в одном из жизненно важных узлов государственного механизма, которые нейтрализовать и устранить, заменить безличными правилами особенно трудно. Но это нам предстоит сделать.

Я не знаю как. Наоборот — понятно, мы видели, как это делалось. А вот заменить порядок ограниченного доступа открытым в этой среде — задача не из легких. Если я увижу реальные успехи нынешней власти в ее решении, готов перейти в сторонники Путина. Но заявка сделана. А кто ее сможет выполнить — посмотрим.

Естественное государство, порядок открытого доступа и демократия

Теперь я хочу немного погрузить читателя в теорию.

В работе [Норт и др., 2011] наши обычные порядки, описанные выше, названы порядком ограниченного доступа. Имеется в виду, в частности, что в нем элита или отдельные элитные группы обладают привилегиями, доступ к которым ограничен для остального населения. Ограничен как раз происхождением, связями, деньгами. Есть также обычаи и законы, которые благодаря благам ограниченного доступа можно обходить. Авторы называют естественными государства, где доминирует порядок ограниченного доступа. Естественными, потому что большинство государств бывших и нынешних в истории человечества являлись именно такими. Современная Россия тоже представляет собой ныне естественное государство в этом смысле.

Авторы характеризуют также некий новый, качественно иной социальный порядок — порядок открытого доступа, который предполагает контроль над насилием, доминирование правил (институтов) над персонами, безличность отношений, регулируемых правилами, и открытость доступа к общественным благам для всех, тоже по правилам. По сути, порядок открытого доступа — это экономическая и политическая конкуренция, введенная в рамки безличных правил. Норт с коллегами обосновывают взгляд на развитие человеческой цивилизации, согласно которому разные элитные группы в данном обществе, стремясь снизить риски насилия по отношению к себе со стороны других элитных групп или широких слоев населения, шаг за шагом договариваются о введении правил. Сначала для элит, снижающих такие риски. Потом эти правила распространяются на всех.

Развитые демократические страны — это страны, которые уже живут при порядке открытого доступа, добились высокого уровня развития и благосостояния в основном благодаря ему, его достоинствам, а не вследствие природных богатств или военных завоеваний. Разумеется, такой результат получился не сразу. Он сложился в Западной Европе в основном как следствие развития рыночного капиталистического хозяйства в течение XVII—XX веков. Сочетание рыночной конкуренции и стремления ввести ее в здоровые рамки, с уменьшением рисков и увеличением полезных результатов, со временем привело, во-первых, к многократному росту богатства.

Во-вторых, рабочая сила из лично подчиненных людей, какой она была тысячами, стала превращаться в формально равноправных с работодателями субъектов сделки. Все более важную роль играла квалификация. Происходила концентрация наемных работников на крупных предприятиях, что способствовало упрощению организации коллективных действий. Я не буду акцентировать внимание на растущей угрозе социальной революции рабочего класса в духе Маркса, поскольку опыт многих стран показал ее разрушительный характер и низкую в сравнении с капитализмом способность к творческому созиданию. Но я хочу отметить повышение общественной роли и стоимости рабочей силы как фактора производства, что способствовало более равноправным и доверительным отношениям между классами в обществе, укоренению более современных институтов как регуляторов отношений между людьми.

В-третьих, быстрое развитие экономики, науки и техники, промышленная революция привели к тому, что в конечном счете войны между крупными державами стали слишком разрушитель-

ными, а значит, невозможными. Подобные истины сознанием воспринимаются не сразу. Видные государственные лидеры, уже оперируя принципиально новыми институтами, не сразу понимают, что эти инструменты требуют переосмысления реальности. «Люди, развязавшие Первую мировую войну, — писал Роберт Купер, известный теоретик в области европейской внешней политики, — полагали, что она будет походить на скоротечные войны их детства, и не сознавали, что промышленный век предоставляет возможность бесперебойной, практически бесконечной доставки на фронт людей и вооружений» [Купер, 2010, с. 10].

Через несколько десятилетий в «постсовременном мире» (аналог порядка открытого доступа у Купера) оказалось, что «приобретение территорий не представляет интереса. Приобретение новых подданных с точки зрения большинства государств кажется кошмаром». «Сегодня Европа почти полностью состоит из государств, которые перестали руководствоваться территориальным императивом» [Там же, с. 49].

Хочу заметить, что Р. Купер и Д. Норт с коллегами вряд ли совместно обсуждали идеи, о которых здесь идет речь. Между тем, как мы видим, они думают и пишут о чем-то сходном. Можно упрекнуть их в идеализме, в беспочвенных фантазиях, которые рано или поздно разобьются о жестокости и цинизм реального мира. Однако мне кажется, что упомянутые коллеги — больше реалисты, чем некоторые наши сторонники «игр с нулевой суммой». Просто они видят то, что многие наши реалисты даже не могут представить. Причем видят в жизни, в обществе и в отношениях между странами с порядком открытого доступа. С такими, как мы, разумеется, они вынуждены переходить на другие правила.

Естественные государства различаются по уровням развития, причем довольно существенно. Напомню, что естественными государствами не так давно были и многие нынешние страны с порядком открытого доступа. От них недалеко расположена группа стран, которые сегодня стоят на грани перехода от ограниченного доступа к открытому. Россия в их числе. Ее переход в новое качество есть огромной важности изменение в ее судьбе.

Культурный сдвиг: после него или в его процессе в стране должно появиться много такого, чего не было раньше, а многое из того, что было традицией, чертой российской ментальности, теряет свое влияние. Может быть, конечно, и по-другому. Но если этого культурного сдвига не произойдет или он наступит слишком поздно, это будет наш стратегический проигрыш в мировой кон-

курунции, возместить который, возможно, уже не удастся. А виноваты мы будем сами.

Сейчас, однако, я хотел бы подчеркнуть, что институциональные преобразования, которые нам предстоят, носят весьма сложный и противоречивый характер. Они будут встречать в обществе сопротивление даже тогда, когда в конечном счете они принесут ему пользу.

В беседе с нобелевскими лауреатами по экономике, которая состоялась на инвестиционном форуме в рамках президентской предвыборной кампании, Путин со скрытой иронией заметил, что некоторые реформы бывают непопулярны и плохо увязываются с демократией. Этим он как бы оправдывал себя, хотя в период его правления без нужды была свернута демократия, а значимых реформ, не считая первые два года, не было вовсе. И все же противоречие есть. На мой взгляд, это означает, что современные формы демократии предполагают сбалансированное сочетание, с одной стороны, политической конкуренции и гражданского участия, а с другой — профессионального решения вопросов, не требующих широкой дискуссии, скорее — мнения специалистов. Я бы сказал, что демократия Шумпетера, а не Руссо. Без идеалистических преувеличений. Но исключаящая политическую монополию.

Я бы отметил, что процесс демократизации в Великобритании, Франции, США, который проходил в то же время, что и индустриализация, делал акцент на противопоставлении бедных и богатых. В более поздний период центр тяжести переместился на политическую конкуренцию в выработке политики с противостоянием диктатуре или авторитаризму как порождениям поздней индустриальной эпохи и усилению бюрократии. Во второй период классовые конфликты ослабевают. Но ограничения свободы и конкуренции снижают возможности развития. В свою очередь, минусы «провалов» рынка все более гасятся установлением институционально-правовых рамок. Порядок открытого доступа, видимо, обозначает достижение сбалансированности этого сочетания.

11. Что же меняется?

Возможно, декабрьские события 2011 года породили в определенных кругах российской либеральной интеллигенции и среднего класса некоторые эйфорические ожидания. В действительности размышления о возможных изменениях в развитии событий под

влиянием политических сдвигов 2011–2012 годов не дают оснований для чрезмерного оптимизма. Графика сценариев, изображенных на рис. 1, существенно не меняется. Впрочем, не будем торопиться. Я попытаюсь изложить итоги своего анализа возможных изменений.

Первое. Сегодня можно констатировать, что правящая элита первая сделала шаг навстречу переговорам, хотя и не расставшись окончательно с логикой противостояния. Для страны это шанс возобновить процесс демократизации.

Если этот шанс будет реализован, хотя бы частично, можно утверждать, что мы получим, выражаясь в терминах части I этой работы, сглаженный вариант «решительного рывка». Трудности легитимации перемен в политической системе будут сняты, и, стало быть, начало перехода от сценария I (модернизация сверху) к сценарию II (демократическая модернизация) окажется возможным сразу после президентских выборов 2012 года. Напомню, об этом говорилось в части I этой работы, когда мы еще ничего не знали о развитии событий после ноября 2011 года, но пытались очертить наиболее благоприятные условия экономической динамики. Сейчас вероятность их повышается. Мы и вправду можем раньше приступить к необходимым институциональным преобразованиям, если, разумеется, эта возможность не будет упущена.

Второе. Выше мы снова обозначили три варианта развития экономики, теперь специфицировав их по особенностям внутренней и экономической политики. Ниже (табл. 8) мы сопроводим их оценка-

Таблица 8. Оценки выделенных вариантов развития по вероятности выбора и возможностям успеха (до 2020 года)

Варианты	До 04.12.2011		После 04.03.2012	
	Вероятность выбора	Индекс успеха	Вероятность выбора	Индекс успеха
1. Жесткая внутренняя политика и модернизация сверху	0,35	0,1	0,05	0,1
2. Жесткая внутренняя политика и либеральный поворот в экономике	0,5	0,2	0,8	0,4
3. Демократизация и индустриальная модернизация	0,15	0,5	0,15	0,9

ми вероятности выбора и возможного успеха реализации. Оценки — мои субъективные, они относятся к периодам до 4 декабря 2011 года и после 4 декабря и 4 марта 2012 года, т.е. уже после президентских выборов. Вероятности выбора варианта изменяются от 0 до 1. Оценки возможности успеха (в модернизации и росте экономики) — это индексы прироста взвешенной величины некоторых характеристик успеха в случае выбора данного варианта.

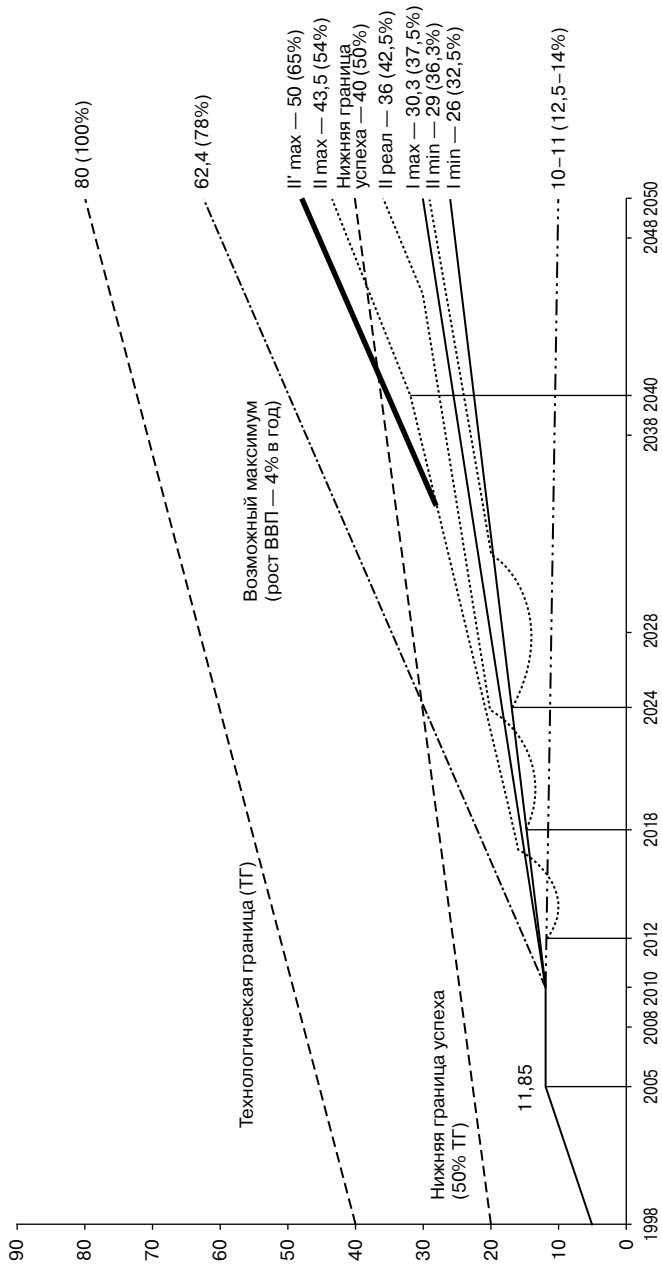
Если позднее сохранится интерес к подобным оценкам, можно будет аккуратно построить индексы и опросить квалифицированных экспертов по поводу их оценок выбора и успеха.

Коротко прокомментирую мои оценки. До 4 декабря я ожидал, что несмотря на безнадёжность I варианта власти выберут его с вероятностью 35% при индексе успеха 0,1, поскольку будут ориентироваться на стабильность и минимальные риски, прежде всего для их положения. II вариант имеет более высокий индекс успеха, поэтому при той же примерно внутренней политике его выбрали бы с вероятностью 50%. Но III вариант, хотя он самый эффективный из-за высокой оценки рисков, должны были бы выбрать с вероятностью 15%.

После 4 марта 2012 года, несмотря на волнения истекших трех месяцев, воодушевленные победой на выборах, власти, по сути, прекращают рассматривать I вариант, потому что он показал рискованность жесткой политики, когда нет успехов в экономике. II вариант рассматривается как самый перспективный: вероятность выбора — 80%. Более высокая оценка индекса успеха отражает повышение и их, и моей уверенности в эффективности либерального поворота. Если хотите, улучшение настроения, позитивное восприятие людьми этого варианта. III вариант с этой точки зрения еще лучше, но риски возрастают. Поэтому вероятность выбора не повышается.

В целом результаты развития по сценариям, показанным на рис. 1, не улучшаются.

Но если мы учтем, что события, произошедшие в России в конце 2011 года, повышают вероятность движения по лучшему из показанных сценариев (сценарий II max), и если был бы сделан лучший выбор политики и исполнение ее оказалось бы не хуже средних показателей успеха, тогда мы могли бы отразить эти достижения при движении по данному сценарию повышением темпов роста с 3 до 4% ежегодно не за 10, как на рис. 1, а за 15 лет до завершения расчетного периода (см. рис. 2). Это означало бы выход к 2050 году на уровень душевого ВВП примерно в 50 тыс. долл.,

Рис. 2. Динамика душевого ВВП РФ при различных сценариях развития в сравнении с технологической границей (с учетом сценария II' max)

что равносильно 62,5% технологического уровня того времени или использованию потенциальных возможностей российской экономики (% от возможного максимума) на 80% — это был бы совсем неплохой результат. Можно было бы сказать: модернизация состоялась.

Конечно, все сказанное — гадание на кофейной гуще, а не настоящий научный прогноз. Единственное, что я могу предъявить в обоснование, — простейшие рассуждения и собственная интуиция. Но они по крайней мере подсказывают, что ничего невозможного в этих достижениях нет. В ноябре 2011 года я бы не стал этого утверждать. А сейчас уверен, что таким может быть эффект от событий декабря 2011 года. Разумеется, его может и не быть. Будем рассчитывать на худшее, но надеяться на лучшее.

Заключение

Разумеется, наши примитивные рассуждения и расчеты не учитывают даже сотой доли всех тех успехов и неудач, которые будут иметь место в реальности, вынуждая так или иначе реагировать на них. Я только попытался, опираясь на самые приближенные оценки важнейших показателей, согласовать их примерные значения в будущем для основных вариантов политики. Естественно, описание последствий развития событий по каждому из этих вариантов, как и последствий смены курса модернизации, есть в основном плод моих догадок и убеждений, питаемых опытом и интуицией. Если мне кто-нибудь скажет, что может предложить более точные результаты, я позволю себе усомниться.

Два обрисованных альтернативных сценария — «модернизация сверху» и «модернизация снизу — постепенное развитие» — являются, на мой взгляд, наилучшей основой для выбора политики. Вариант решительного рывка может быть представлен максимумом сценария II, если бы он реализовался удачно, что крайне маловероятно. А минимум для него — это пессимистический сценарий, на случай серьезных осложнений.

В действительности, вероятнее всего, развитие пойдет между двумя этими альтернативными сценариями. Несомненно, будут осуществляться определенные институциональные изменения, и уже это позволит говорить о модернизации снизу. От состава руководства и общей политической и экономической обстановки будет зависеть, насколько серьезными станут изменения и когда они будут происходить. Наш анализ показывает, что чрезмерное откладывание реформ, прежде всего демократических, практически равносильно отказу от них, а стало быть, повышению вероятности худших последствий инерционного развития. Выгоды же постепенной модернизации будут, видимо, наибольшими, если основные перемены начнутся не позднее чем через 4–6 лет, и за это время экономика, социальная сфера и общественные настроения будут к ним подготовлены.

Меня можно упрекнуть за преуменьшение темпов роста, например в сценарии I. Правительственные эксперты ожидают не 1–2, а 2–3% роста, и тогда различия между сценариями как бы стираются. На самом деле я до некоторой степени занижал возможности обоих сценариев, о чем можно судить по большому раз-

рыву между потенциальными возможностями при 4% роста и сценарными прогнозами. Разрыв подчеркивает растущее до сих пор отставание в сфере институциональных изменений и медлительность перемен.

Собственно, различия между сценариями I и II объясняются нарастанием институционального провала при сценарии I из-за опасений перемен со стороны правящей элиты. Это обстоятельство должно быть понято российской элитой, и оно намного важнее количественных показателей любых прогнозов.

Понятно, что для части элиты демократизация и иные требуемые институциональные изменения могут быть связаны с имиджевыми и материальными потерями. Но дело того стоит. Быть элитой — это долг. Иначе вы балласт, который должен выпасть в осадок, чтобы освободить место другим, молодым, чьи «сердца для чести живы».

Процитирую Асемоглу и Робинсона: «В недемократическом обществе элита получает политику, которую она хочет; при демократии граждане имеют больше влияния, чтобы получить то, что хотят они. Поскольку в условиях демократии элита проигрывает, естественно, у нее есть стимулы, чтобы выступить против нее или свергнуть ее, однако большинство демократий возникают тогда, когда они создаются элитой» (цит. по: [Норт и др., 2011, с. 263]).

В сущности, что я хочу сказать, рисуя в прогнозах тревожные картины? Я обращаюсь к элите: «Ребята! Это сделаете вы. А то придут другие».

Желаю успеха!

Литература

- Белюсов А.Р.* У нас сложный выбор // Ведомости. Форум. 2011. № 5.
- Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Кузьминов Я.И., Ясин Е.Г.* Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики // X Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
- Журавлев С., Ивантер А., Фадеев В.* Жить стало лучше, но не веселее // Эксперт. 2011. № 14. С. 17–26.
- Кузьминов Я.И., Радаев В.В., Яковлев А.А., Ясин Е.Г.* Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений: докл. к VI Междунар. науч. конф. «Модернизация экономики и выращивание институтов». М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.
- Купер Р.* Раздор между народами: Порядок и хаос в XXI веке / пер. с англ. М.: Московская школа политических исследований, 2010.
- Лал Д.* Непреднамеренные последствия. М.: ИРИСЭН, 2007.
- Левада-Центр. Послевывборный опрос в Москве 19.12.2011.
- Медведев Д.А.* Россия, вперед! М., 2009. URL: <http://президент.рф/news/5413>
- Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011.
- Олсон М.* Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск: ЭКОР, 1998.
- Орешкин Д.Б.* Кривая пила Чурова // Новая газета. 13.01.2012. № 2.
- Орешкин Д.Б.* Удалось! // Новая газета. 23.01.2012. № 6.
- Росс Л., Нисбет Р.* Человек и ситуация. М., 2000.
- Российский статистический ежегодник. 2010: стат. сб. Росстат. М., 2010.
- Россия после кризиса: выбор пути // Ведомости. Форум. 2011. № 5.
- Синельников-Мурылев С.Г., Трунин И.В.* Выступление на XI Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, ГУ ВШЭ, 2010. Круглый стол А-11 «Экономика плоского подоходного налога».
- Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах: докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и обще-

ства. Москва, 2011 / Г.В. Андрушак, А.Я. Бурдяк, В.Е. Гимпельсон и др.; рук. авт. колл. Е.Г. Ясин. М.: Изд. дом ВШЭ, 2011.

Шпилькин С.А. Статистика исследовала выборы // Газета.ru. 10.12.2012. URL: http://www.gazeta.ru/science/2011/12/10_a_3922390.shtml/

Ясин Е.Г. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ: курс лекций. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2002.

Acemoglu D., Robinson J. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 20.

Fudenberg D., Maskin E. The Folk Theorem in Repeated Games with Discounting or Incomplete Information // *Econometrica*. 1986. No. 54. P. 533–554.

Maskin E. Culture, Cooperation and Repeated Games: доклад. Симпозиум памяти С. Хантингтона. ГУ ВШЭ, Москва, 24–26 мая 2010 г. М., 2010.

Tombs R. France 1814–1914. N.Y.: Longman, 1996.

Научное издание

Ясин Е.Г.

**Сценарии для России на долгосрочную перспективу.
Новый импульс через два десятилетия**

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *Г.Е. Шерихова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика *О.А. Быстрова*
Корректор *Е.Е. Андреева*

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

Подписано в печать 23.03.2012. Формат 60×88 1/16
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 5,1. Уч.-изд. л. 4,2
Тираж 1700 экз. Изд. № 1495. Заказ № 2922